

Елена
Михалкова

Судьбока
пересмешника

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Улыбка пересмешника

«АСТ»

2009

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Улыбка пересмешника / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2009 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-17-090832-5

К сыщикам Макару и Сергею обратилась молодая респектабельная женщина. Она хотела найти следы давнего преступления. А в идеале убить своего бывшего мужа. Убить не физически... Кирилл беспощадно избавлялся от ненужных ему людей. И однажды, ни о чем не сожалея, выбросил на улицу свою молодую жену. Ту, которая любила его так, что превратила в центр своей маленькой вселенной... Он был уверен, что неуязвим. Но разве можно защититься от женской мести, если она превратилась в смысл жизни?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090832-5

© Михалкова Е. И., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Михалкова

Улыбка пересмешника

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Моим маме и брату – с глубокой благодарностью на память о ночных разговорах, ураганном домике и прочем, прочем, прочем, из чего появилась эта книга.

– Я бы предпочел, чтобы ты стрелял на огороде по жестянкам, но знаю, ты начнешь бить птиц. Если сумеешь попасть в сойку, стреляй их сколько угодно, но помни: убить пересмешника большой грех.

Я впервые слышала, чтоб Аттикус про что-нибудь сказал – грех, и спросила мисс Моды, почему грех.

– Твой отец прав, – сказала мисс Моды. – Пересмешник – самая безобидная птица, он только поет нам на радость. Пересмешники не клюют ягод в саду, не гнездятся в овинах, они только и делают, что поют для нас свои песни. Вот поэтому убить пересмешника – грех.
Харпер Ли. Убить пересмешника.

Глава 1

Алиса

Вы никогда не замечали странный акустический эффект в метро? Когда едешь на эскалаторе, звуки с соседней ленты иногда доносятся так отчетливо, словно говорящие стоят прямо перед тобой. Нет, не замечали? Поверьте, если вы хоть раз обратите на это внимание, то потом уже не сможете не прислушиваться, ловя обрывки чужих разговоров.

Особую занимательность происходящему придает тот факт, что вы хорошо видите беседующих людей, ведь они стоят на расстоянии всего нескольких метров от вас. Вы сначала слышите что-то, а затем успеваете рассмотреть собеседников за то недолгое время, что они едут мимо на эскалаторе метро. Меня особенно захватывают случаи несовпадения между *видимым* и *слышимым* – тогда я ощущаю себя зрителем на спектакле, в котором актеры неожиданно начали произносить не свои реплики.

Однажды я услышала, как чистый, нежный женский голос сказал:

– Я чувствую себя ужасно старой. Как будто вся жизнь уже позади.

А мужской, некрасивый, надтреснутый, возразил:

– Ну что ты, Ниночка! Тебе нужно почаще глядеться в зеркало.

Я подняла глаза, чтобы посмотреть на Ниночку, портрет которой я мысленно уже нарисовала – бледное юное лицо, темные глаза, обведенные по контуру дымчатым серым карандашом, красная помада, которой позавидовала бы и Кармен, – и буквально споткнулась взглядом. Я знаю, что так не говорят, но я действительно споткнулась взглядом, увидев напротив себя высокую исхудавшую старуху лет семидесяти, а перед ней – пожилого плешивого мужчину, любовно глядящего ее по рукаву черного пальто.

Понимаете, это было неправильно! Только молодые девушки могут произносить такие фразы нежными чистыми голосами – о том, что они чувствуют себя ужасно старыми, что они уже много повидали, что им двадцать один, а значит, вся жизнь позади... Это всегда бывает смешно и немножко глупо. Но когда такие слова говорит действительно старый человек, это совсем не смешно. И еще это трогательное обращение, как к ребенку – «Ниночка»...

Кстати, меня зовут Алиса. Если быть совсем честной – а я почти никогда не вру, только кое о чем умалчиваю, – то когда-то меня звали Ирой, но я ненавидела это имя так, как собака может ненавидеть привязанную ей к хвосту связку консервных банок. И при первой возможности избавилась от него. Папа спросил, каким именем мне хотелось бы называться, и я сразу же вспомнила свою любимую сказку – мне тогда было девять лет, я мечтала провалиться в кроличью нору, чтобы очутиться в сказочной стране, и с грустью думала, что моя мечта несбыточна.

Но со временем – да-да, с тем самым временем, волочась за которым, люди, как правило, только теряют свои детские иллюзии, – я осознала, что норы поджидают нас на каждом шагу! Нужно лишь уметь выискивать кроличьи следы, узнавать их среди повседневного мусора и быть ежеминутно готовым рвануть, мелькая пятками, следом за ушами, торчащими из цилиндра.

Мой муж говорит, что я чудачка. Но я вовсе не чудачка! Я – ловец! Ловлю обрывки разговоров, забавные мелочи, ерундовые происшествия, запахи, хвостики песен и иду вслед за этими маленькими тайными знаками, ожидая, что они приведут меня к чему-нибудь интересному.

И знаете, почти всегда так и происходит.

В тот день я ехала по эскалатору вверх, и вдруг мужчина на соседней ленте сказал, явно продолжая какой-то спор:

– ...А жить нужно так, чтобы можно было безбоязненно выставить клетку с говорящим попугаем во двор.

– Если бы мы выставили нашего, – едко возразил ему женский голос, – то все соседи были бы в курсе твоих ничтожных интересов. «Здравствуйте, с вами футбольный обозреватель Николай Сорокин!»

Я даже не стала оборачиваться на нее – и так знала, что увижу: опущенные уголки губ, пустой взгляд человека, которому смотреть на экран телевизора привычнее, чем на лица других людей, но все-таки упрекающего в этом грехе мужа – а все потому, что тот, бедняга, имеет несчастье не разделять ее вкусы. Футбол и орешки под пиво у одного, сериал и конфетки у второй, и при этом каждый считает, что он-то просто расслабляется после тяжелого рабочего дня, а вот его половина целенаправленно оболванивает себя перед ящиком.

Выходя из метро, я почти выкинула из головы их диалог – мне казалось, что он ничего не значил, – и вдруг заметила на столбе объявление, написанное от руки: «Продается краснощекий неразлучник. Один». И телефон.

Если бы я была животным, то, несомненно, охотничьей собакой. Я тут же встала в стойку и насторожилась, а все потому, что поняла – вот они, кроличьи уши, мелькнувшие за столбом! Если вы подумали, что это простое совпадение, то вам не по пути с опаздывающими кроликами и не вам падать в глубокие норы, где стоят банки с вареньем. То, что я сперва услышала разговор двух несчастных, в котором они упомянули о попугае, а затем увидела объявление о продаже неразлучника, было своего рода знаком, вешкой для посвященных, и, конечно, я не могла пройти мимо. Меня просто заворожило это объявление. В нем была безысходная трагичность, лаконичная до оторопи история маленького, смешного, нелепого существа, лишившегося всего, что составляло его жизнь.

Мой муж говорит, что я слишком впечатлительна и склонна фантазировать на пустом месте, но вы только вдумайтесь в слова: «Продается краснощекий неразлучник. Один». А когда вдумаетесь, ответьте – разве я была не права, отправившись выручать его, хотя даже не представляла, как выглядят неразлучники?

Я позвонила по номеру, указанному в объявлении, записала адрес и договорилась посмотреть неразлучника. После этого звонка телефон, который я не подзаряжала уже три дня, сел окончательно, и теперь никто не мог помешать мне найти одинокую птичку.

И я ее нашла. Точнее, его. Мне открыла вытертая, как старый плюшевый плед, пожилая дама с дрожащими руками, и в комнате, пропахшей скукой, затхлостью и пьяными следами, обнаружились клетка с неразлучником – он сидел, нахохлившись, на жердочке. Стоило мне увидеть его, как я поняла, что куплю попугайчика, сколько бы он ни стоил. Толстенький, желтый, с яркими алыми щечками, краснота с которых переползала на его короткую шейку, словно у диатезных детей, переевших шоколадных конфет... При моем появлении он подвинулся в сторону, как будто по-приятельски освобождая мне место рядом с собой.

– Двое их было, – сказали сзади. – Один-то помер. А этот, вишь, заскучал.

Попугайчик наклонил головку набок и смешно шаркнул лапкой по жердочке.

– Сколько он стоит? – спросила я.

– Двести.

Я обернулась к ней, и тогда она торопливо прибавила:

– И еще за клетку столько же!

Конечно, можно было поторгаться. Но мне было так невыносимо жаль его, что я отдала ей четыре сотенные бумажки, схватила клетку и, не слушая комментариев о том, чем нужно кормить попугайчика, побежала к выходу. А потом, поймав частного, поехала к ветеринару,

от него – в зоомагазин, и к тому моменту, когда я вышла из машины, с трудом удерживая в руках две клетки, в каждой из которых сидело по неразлучнику, уже совсем стемнело.

Я, конечно, догадывалась, что муж разозлится... Когда он открыл дверь и увидел меня, то глаза у него стали узкие, как прорези в маске, и он рывком втащил меня в квартиру, так что одна из клеток едва не выпала у меня из рук. Попугайчики возмущенно закричали и продолжали надрываться до тех пор, пока я не поставила их на пол.

– Ты... где ты была?! Что у тебя с телефоном?!

– Батарейка села, – сказала я с идиотской улыбкой, и он едва не дал мне пощечину.

Я видела, что он взбешен: его собственная жена создала ситуацию, которую он не смог контролировать, а для него это невыносимо... Но ничего не могла с собой поделать – губы сами растягивались в улыбку. Не то чтобы я очень любила птиц – по правде говоря, у меня их раньше никогда и не было, – но мысль о том, что отныне в моем доме будут жить два пузатых желтых попугайчика с забавным названием «краснощекие неразлучники», веселила меня. Они до смешного похожи на моих родителей – такие же кругленькие, подвижные и обожающие друг друга.

– Мой хороший... ты за меня переживал! Прости, пожалуйста! Я больше так не буду, честное слово!

Он нахмурился, рассматривая меня.

– У тебя нога оцарапана. Черт возьми, где тебя носило?

Я растерянно посмотрела на собственную ногу. Действительно, царапина.

– Наверное, что-то задела в той квартире, где купила попугайчика. Ничего страшного, сейчас помажу зеленкой.

Он по-прежнему хмурился, словно не доверяя мне. Ему идет, когда он хмурится, – как ни странно, гораздо больше, чем когда смеется.

Я разулась, перенесла клетки в комнату, водрузила их на стол и обернулась к мужу:

– Смотри, какие смешные! Давай придумаем им имена, а?

Он посмотрел сначала на птичек, затем на меня, затем снова на них. Развернулся и вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я вздохнула и снова улыбнулась своим новым маленьким друзьям:

– Ну что, малыши, давайте обживаться?

Виктория

Когда самолет зашел на посадку, я испытала дежавю – на секунду мне показалось, что все это уже было со мной: широкое кресло бизнес-класса, мягкий оранжевый плед, укрывающий колени, слабый запах одеколona от соседа, высокого сутулого шведа, белого, как альбинос, и зеленые острова деревьев за иллюминатором. Словно внизу меня ждала не Москва, а лесная чаща, в которой по чьей-то странной прихоти должен был приземлиться наш «Боинг».

Но затем самолет качнул крылом, накренился, и я увидела город – огромный, растекшийся по поверхности земли, ошетилившийся домами разной степени уродливости. И дежавю исчезло, сменившись чем-то вроде своей противоположности: я остро ощутила, что впервые за много лет прилетаю в Москву.

Я откинулась на спинку, закрыла глаза и почувствовала, что сосед повернул голову в мою сторону и разглядывает меня с беззастенчивым любопытством. Поверьте, я знала это наверняка – как и то, что одна нейтральная реплика с моей стороны, и он тут же пригласит меня на «чашечку кофе»: не потому, что я выгляжу доступной, а потому, что он чувствует во мне существо своего круга, причем существо относительно молодое и безусловно красивое.

Это очень важно, поверьте моему опыту, – находиться рядом с человеком своего круга. Я многие годы не понимала этого и даже не верила в существование «кругов», что лишь дока-

зывает, какой непроходимой дурой я была. Затем, по мере расширения моего ничтожного опыта (который, однако, и расширяясь, оставался ничтожным, хоть я этого не осознавала), мне пришлось признать, что круги все-таки есть. Но и тогда с упорством девочки, воспитанной на пионерских книгах, я считала, что главное в человеке – это ум, порядочность, доброта и прочие качества, которые принято называть положительными, а уж из какого он социального слоя – дело десятое. И только теперь я отчетливо вижу, что все мы крутимся на своих орбитах, и свойства нашего характера зависят от расположения планеты в гораздо большей степени, чем принято считать.

Когда-то давным-давно, около десяти тысяч лет назад, одна очень умная немолодая дама сказала мне о прекрасной юной паре: «Эти люди совсем недолго пробудут вместе». Они казались любящими друг друга, и оттого я возмутилась и потребовала объяснений. Дама снизошла до меня, хотя это было то время, когда окружающие считали излишним что-то объяснять женщине с таким умом и знанием жизни, как у меня, дабы не тратить времени попусту. «Они смотрят друг на друга, – сказала она. – А должны смотреть в одну сторону». «Но тогда кто-то один обязательно станет тарашиться в затылок другому!» – в запальчивости возразила я, и она рассмеялась: «Бедная девочка... Им ведь не обязательно поворачивать голову направо или налево, правда? Они могут стоять рядом и смотреть вперед. Но для этого нужно, чтобы они были *похожими*».

Так вот, с белобрысым шведом, моим соседом, мы были похожи. Разумеется, не внешне. Для подтверждения собственной правоты я быстро открыла глаза и уставилась на него. Он рассматривал меня – как и ожидалось! – и к его чести следует добавить, что изрядно смутился, будучи пойманным за этим занятием.

В другое время, возможно, я бы даже заинтересовалась им – люблю некрасивых и при этом значительных мужчин, – но в Москве меня ждало важное дело. Я сказала «важное»? Господи, конечно, нет! Слово «важное» не просто не подходит – оно звучит смехотворно применительно к тому, что я собиралась сделать. Разве можно говорить «важное дело», когда собираешься убить человека...

По салону прошла стюардесса, красивая особенной деловитой красотой стюардесс, задержала на мне взгляд и улыбнулась приветливой улыбкой, сделавшей ее вдруг очень простой и оттого милой. Я улыбнулась в ответ. У меня улыбка иностранки – открытая, доброжелательная, но при этом не обнажающая зубы... Я долго тренировала ее, и Никлас, добрая душа, помогал мне, объясняя нюансы, которые следует знать, если ты хочешь улыбаться как иностранец. Русские улыбаются совсем иначе, говорил он – человек, долгое время проживший в Москве и Санкт-Петербурге, – они улыбаются так, словно делают тебе одолжение, и выражение их глаз остается недоверчивым. Перед тем как улыбнуться, они раздумывают долю секунды, а затем наконец делают это – но почти всегда ударяются в две крайности: улыбаются либо преувеличенно, показывая зубы, как при смехе, либо не доходят даже до той степени мелкой дежурной улыбки, которая характерна для таможенников в аэропорту.

Я была хорошей ученицей, и в моей улыбке нет ничего русского, поверьте. Я улыбаюсь, как Виктория Венесборг. Венесборг – шведская фамилия, фамилия Никласа, а Виктория, или Вики, как называют меня друзья, – вполне международное имя. Только внешность выдает меня – я слишком привлекательна для шведки, к тому же моя красота совсем другого типа. Но с годами я сумела европеизировать себя – назовем это так, – а хороший хирург изменил мое лицо совсем чуть-чуть, но достаточно для того, чтобы во мне нельзя было узнать русопятую девчонку из Поволжья.

Поэтому теперь я безбоязненно улыбаюсь людям, а люди часто улыбаются мне.

Они же не знают, что я собираюсь убить своего бывшего мужа.

Если вы спросите меня, зачем я решила это сделать, то мне будет трудно ответить на ваш вопрос. Как хороши простые, всем понятные мотивы: месть, ревность, жадность... Ненависть

объяснить уже сложнее: приходится рассказывать предысторию, показывать на карте отношений все ямы, канавы и трещины, в которые провалилась, сломала себе шею любовь или дружба, предшествовавшая ярости.

Но дело в том, что я даже не испытываю ненависти к бывшему мужу. Чувство, которое гложет меня, имеет другую природу.

Пожалуй, мне все-таки придется вернуться в прошлое. Не очень далеко – всего на семь лет назад. Это в вашем исчислении, а в моем прошло не меньше двадцати тысяч лет, и горы от времени стерлись в равнины, равнины стали руслами рек, и только люди не изменились – никто, кроме меня.

Мне тогда было двадцать три, и я была замужем за самым прекрасным человеком на свете. Возможно, меня хоть немного оправдает в ваших глазах то, что я была очень, очень счастлива. От счастья люди глупеют, знаете ли, а уж если речь идет о двадцатитрехлетней девчонке, выросшей под строгим гнетом бабушки, боявшейся «проворонить сироту» и оттого бывшей с ней исключительно строгой, то можно с уверенностью сказать, что счастье вышибло у меня из головы остатки мозгов.

Я росла в маленьком волжском городке, никуда не уезжала из него, и все мои знания о жизни были из книжек и бабушкиных рассказов. Когда пришло время поступать в институт, бабушка продала наш домик, и вырученных денег хватило только-только, чтобы в соседнем городе-«миллионнике» купить комнату в коммунальной квартире – правда, довольно большую, почти двадцатиметровую. Бабушка не могла оставить меня без присмотра, вы же понимаете...

Я вышла замуж, когда мне было девятнадцать. Муж был старше, сильнее, умнее, опытнее – да он был просто богом в моих глазах! Я не могла поверить в то, что такой мужчина выбрал именно меня – простую, глупую, необразованную девочку. Правда, он и сам происходил из очень простой семьи, но тянулся, как он говорил, к свету, к лучшей жизни.

А я и не знала, что такое «лучшая жизнь». Для меня лучшая жизнь была с ним, и, когда спустя год после нашей свадьбы он решил, что пора переезжать в столицу, я послушно упаковала вещи, и мы переехали.

Кирилл работал с утра до вечера, говорил о себе, что он «крутится», а я сидела дома и занималась домашним хозяйством. Он не раз замечал, что не понимает семей, где женщина делает карьеру, что для него такая баба – будто мужик в юбке, и я, конечно же, не собиралась обманывать его ожиданий. Хранительница очага – вот в чем заключалось мое призвание. Крепкий, надежный тыл. И я варила супы, солила овощи, которые сама придирчиво выбирала на рынке, колдовала над вторыми и третьими блюдами, гладила рубашки и убиралась каждый день – а все для того, чтобы уставший после работы муж видел, как о нем заботятся, и на душе у него становилось бы теплее.

И самое мое полное счастье приходило тогда, когда, наевшись, он засыпал на диване, и на его лице – суровом, жестком, волевом лице настоящего мужчины – появлялось беззащитное выражение. Вот тогда он был мой, весь мой, целиком, вместе со своими снами, мыслями, страхами... Я могла долго-долго смотреть на него, но в конце концов, боясь разбудить взглядом, приносила какое-нибудь рукоделие и пристраивалась рядом с ним, вышивая в тишине.

Мое счастье было нарушено за все это время только один раз – когда умерла бабушка и выяснилось, что она подписала какие-то документы о передаче квартиры в собственность неизвестным мне людям... Оказывается, они ухаживали за ней последние годы ее жизни – удивительно, но она ничего не рассказывала мне об этом. Впрочем, у бабушки было так плохо с памятью, что она вполне могла забыть о таких деталях, как принесенное из аптеки лекарство или вовремя приготовленная еда.

Кирилл хмуро сказал, что он в это дело не полезет, потому что его сожрут с потрохами. Я тогда не поняла, кто может его сожрать, но догадалась, что он придерживается того же

мнения, что и я: раз за бабушкой действительно ухаживали какие-то добрые люди, значит, они заслужили эту комнату, а «сожрут с потрохами» сказано про соседей, которые начнут стыдить его, если он вздумает судиться. Мне и самой было стыдно за то, что я ничего не знала о происходящем и ни разу не приехала навестить ее за все эти годы, потому что не хотела выныривать из своего безмятежного, тихого существования. Я из него и не вынырнула: только высунула голову на поверхность, огорчилась и сразу спряталась обратно – в глубокую зеленую воду, спокойную, неподвижную.

А в две тысячи первом году, три года спустя после бабушкиной смерти, грянул гром.

В тот день Кирилл пришел домой очень рано – я даже не успела приготовить ужин, – но стоило мне метнуться к плите, как он схватил меня за руку, заставил сесть и сам сел напротив, глядя на меня своими голубыми глазами.

– Викуша, – сказал он, – мне нужно тебе кое-что рассказать. Слушай и не перебивай, потому что времени у меня не очень много.

И он начал рассказывать. Я слушала его и ощущала, что счастье выскальзывает из моих рук, как подтаявшая льдинка, и вот-вот упадет на пол и разобьется на кусочки.

Оказывается, в его бизнесе возникли проблемы. Фирма Кирилла занималась переработкой мяса, выполняла свою работу честно, никого не обманывала, и, конечно, появились люди, которым это не нравилось. Конкуренты, сказал он, – конкуренты, собиравшиеся захватить его дело, воспользовавшиеся непростой ситуацией, чтобы установить свои правила игры.

– Они хотят, чтобы я уступил им все, – рассказывал он, поглядывая на меня, – и не побрезгуют ничем, никакими методами. Милая, тебе придется уехать.

– Зачем? – Я едва не плакала.

– Затем, что я не могу подвергать тебя опасности. Девочка моя, пожалуйста, послушай!

Он встал, обнял меня, и я не выдержала – уткнулась носом в его рубашку, заревела, обхватив руками. Мой Кирилл, всегда такой скупой на ласку, способный молчать целыми днями, не произнося ни слова, назвал меня своей девочкой! Даже в постели, после изматывавшей любви, он обрывал меня, если я начинала бормотать всякие нежные женские глупости, а теперь сам стал со мной нежен.

– Я тебя не оставлю! – Я вцепилась в него, и он силой разжал мои объятия, присел передо мной на корточки и заставил посмотреть ему в глаза.

– Ты моя жена, и ты должна мне помочь. Кроме тебя, мне больше никто не поможет.

– Я все сделаю! Кирюша, милый...

– Послушай! Необходимо, чтобы ты уехала. Эти подонки ни перед чем не остановятся, и если они тебя схватят... – Он сделал паузу, и сердце мое остановилось на мгновение, – то я этого просто не выдержу. Ты понимаешь?

Я закивала, не понимая ничего из того, что он мне говорил, кроме одного – он меня любит, он обо мне заботится!

– Поэтому тебе нужно будет уехать. Я тебя спрячу, хорошо? Ненадолго – всего на несколько месяцев, пока все не утрясется. Чтобы тебя никто не нашел, мы с тобой разведемся – фиктивно, ты понимаешь? И тогда никто не сможет меня шантажировать тобой. Ты не должна будешь мне звонить, я сам стану выходить на связь. И ни в коем случае не приезжай!

– Кирюша! – взывала я. – Как же так?! А что с тобой будет?!

– Тихо! Не ори, дура, – соседи услышат! Ничего со мной не случится, все будет в порядке. Разберусь с уродами и заберу тебя обратно. Ты все поняла? Тогда иди, собирай вещи.

– Как?! Уже?!

– А ты что хотела – дожидаться, пока за тобой придут? Быстро пакуй барахло и звони своей подруге, просись на постой.

У меня не было подруг. Но осталась приятельница школьных лет, до сих пор жившая в маленьком приволжском городке, растившая троих мальчишек и опекавшая мужа-алкоголика. Именно к ней мне и пришлось попроситься в гости, наврав, что муж выгнал меня из дома, – Кирилл строго-настрого запретил говорить кому бы то ни было о возникших у него проблемах. Развели нас очень быстро – он заплатил кому-то денег, и все бумажные вопросы решились за один день.

– Никто не должен знать! – Он вколачивал слова мне в голову, повторяя, как для маленького ребенка или глупышки. – Вика, никто не должен знать о причинах твоего отъезда.

– Но Оля... она станет расспрашивать...

– А ты скажи, что тебе тяжело говорить на тему разъезда, и она от тебя отстанет. Поняла? Повтори!

– Оля, мне тяжело говорить на тему разъезда, – послушно повторила я, представив себе Ольгу: маленькую, остроносую, с любопытным взглядом блестящих черных глаз.

– Умница. Запиши это предложение себе в блокнот на случай, если забудешь.

– У меня нет блокнота... – начала я и осеклась: он посмеивался.

– Знаю. Я шучу. Все, все, все, – поспешно сказал он, заметив, что у меня дрожат губы. – Долгие проводы – лишние слезы.

На вокзале, в людской сутолоке, в круговерти тележек, сумок, пакетов, чемоданов, я совершенно растерялась. Кирилл шел впереди, расталкивая зазевавшихся прохожих, а я смотрела в его спину и думала только об одном: «Господи, спаси и сохрани его для меня! Сделай так, чтобы с ним все было хорошо! Мы были так счастливы, и раз уж получилось, что мы теряем наше счастье, прошу тебя, пожалуйста, отдай ему мою половину».

Меня толкнули, и от удара я выронила сумку, в которой лежали паспорт и деньги. Присев на корточки, схватила ее (*«Господи всемогущий, ты же хороший, я знаю, что ты заступишься за него!»*), а когда подняла глаза, Кирилла уже не было видно.

«Только бы он остался жив, Боже, прошу тебя!»

И вдруг меня окатил панический ужас. Я не успела представить себе ничего конкретного – ни убийцы с ножом, ни человека, толкающего его под колеса поезда, – но страшное чувство неизмеримой утраты накрыло меня с головой, как будто, на долю секунды выпустив из рук свою дешевую сумку из кожанменителя, я выпустила свое счастье – сама, по глупости, – и больше никогда не найду его, останусь навсегда на этом бесконечном вокзале – неприкаянная, никому не нужная.

Кирилла больше не было со мной. И в ту же секунду я почувствовала, что его нет – *совсем*. Понимаете? Я отпустила его взглядом, и с ним сразу случилось что-то страшное, от чего только я могла его защитить... А я не защитила.

Шум толпы вокруг меня стал громче, он нарастал, и я внезапно перестала понимать, на каком языке говорят эти люди, куда они идут и что происходит со мной. Сначала я потеряла мужа, затем потеряла себя. От охватившей меня паники я закричала, какая-то женщина с седой головой шарахнулась в сторону, и я закричала снова – не надеясь, что мне кто-нибудь поможет, просто от детского страха.

Кирилл вынырнул из-за чьей-то спины, наклонив голову, как бычок, собирающийся боднуть меня.

– Ты чего орешь?! – с тихой яростью спросил он и, поскольку я молчала, оторопело глядя на него, заподозрил худшее: – Что, паспорт проворонила?

Выхватил мою сумку, рванул молнию и принялся шарить внутри, а когда нашел, поднял на меня глаза, ткнул сумку мне в руки и, кажется, еле сдержался, чтобы не выругаться.

– Быстро, на поезд опоздаешь!

Справедливости ради нужно сказать, что бог услышал мою отчаянную молитву. Правда, поняла я это позже, гораздо позже. А тогда я еще перекрестила мужа на прощание – чтобы

все у него было хорошо, у моего Кирилла, чтобы все обошлось, чтобы его сохранили высшие силы... И, крестя, сама не верила в то, что все наладится.

У подруги я прожила четыре месяца. Мне тяжело вспоминать то время – черное, как провал проруби, обещающей быструю жутковатую смерть. Я всегда боялась воды, особенно речной, с сильным течением. Теперь же у меня было ощущение, что ледяная вода тащит меня, сковав руки-ноги холодом, и не вскрикнуть, не позвать на помощь, не выпрыгнуть рыбкой на лед... Оле и ее семье я была в тягость, как и мне в тягость был их жалкий нищенский быт, от которого я успела отвыкнуть за годы благополучной жизни с мужем, и вынужденная благодарность, перемешанная с отвращением к окружавшей меня убогости и постоянным страхом за мужа, мне самой казалась противной – словно я принудительно заставляла себя быть признательной этим людям. Так, в общем, оно и было.

Когда моя жизнь рядом с алкоголиком, несколько раз в отсутствие жены пытавшимся затащить меня в постель, стала совсем невыносимой, я нарушила запрет Кирилла и позвонила ему. Я ожидала гнева и приготовилась просить прощения и умолять его забрать меня отсюда, переселить в любую, самую дешевую гостиницу, разрешить мне пойти полумойкой к чужим людям... Но услышала бодрый оживленный голос. За все четыре месяца муж звонил мне лишь несколько раз, и всегда бывал мрачен – я прекрасно понимала почему. Теперь же его словно подменили.

– Все, Вика, можно возвращаться, – сообщил он, и сперва я даже не поняла, о чем он говорит. – Завтра вышлю тебе денег, купишь обратный билет.

Возникло ощущение, будто я тонула и вдруг волной меня, задыхающуюся, вышвырнуло на берег. Та самая стихия, которая обещала смерть, обернулась жизнью, и я не уставала благодарить бога за то, что все закончилось.

В Москве меня встречал довольный Кирилл и, пока я пыталась насмотреться на него («Рубашка отглажена; кажется, поправился на пару килограмм; новая прическа, ему удивительно идет»), что-то рассказывал мне, а я даже не слышала. И только когда он свернул с проспекта на незнакомую мне улицу, вдруг спохватилась:

– Подожди, куда мы едем?

– Домой! Эй, милая, ты меня слушала?

Пришлось признаться, что нет, и Кирилл, остановив машину, обернулся ко мне и раздельно объяснил: борьба с конкурентами закончилась полным их поражением, и теперь наши финансовые дела куда лучше, чем были до расставания. Настолько лучше, что он решил вложить деньги в недвижимость и купил нам квартиру, в которую меня и везет.

– А... ремонт? – выдавила я, ошеломленная всем, что он говорил. До этого мы жили в съемных квартирах, и представить, что теперь меня ждет шестикомнатное богатство, я была не в состоянии.

– Какой ремонт! – он засмеялся. – Ремонт я уже сделал, голубка!

– Когда же ты успел?!

– Можешь считать, что она с ремонтом продавалась.

Квартира оказалась такой, какую я даже в мечтах не представляла, – двухуровневой, огромной, как библиотека. Вы, наверное, будете смеяться, но до сих пор самым большим помещением, которое я посещала, была именно библиотека в нашем городке – бывшая усадьба каких-то богатых помещиков. Я любила там бывать, и эту квартиру полюбила сразу же, как только увидела, хотя меня не оставляло чувство, что я ей не соответствую. Но оно быстро прошло, потому что я сумела обжить ее точно так же, как обживала любое пространство «под себя», – украсила, отмыла, кое-что изменила, и наш с Кириллом дом заиграл и заблестел.

Прошло еще полтора года – почти таких же безмятежных, как и предыдущие, и воспоминания о пережитом не беспокоили меня. Только иногда снился сон, всегда один и тот же: будто я остаюсь одна на вокзале, а люди вокруг меня превращаются в поезда и начинают с ревом

давить друг друга. Всякий раз я просыпалась в холодном поту и прижималась к широкой теплой спине мужа, думая, что он сумел защитить меня от настоящей опасности, а значит, сумеет прогнать и кошмары.

Кирилл много работал, временами становился озлобленным как волк, но никогда не повышал на меня голос, лишь уходил в свою комнату и отмалчивался. Я понимала, что ему приходится тяжело, как любому мужчине, который служит своей семье добытчиком, опорой и защитником, и старалась угадывать его желания, как верная собака угадывает настроение хозяина. Это давалось мне легко, ведь в моей жизни не было ничего, кроме мужа, моей любви к нему и его любви ко мне. Я так считала – до того момента, пока однажды вечером он не пришел домой и не сказал, что больше меня не любит.

Он смотрел при этом прямо на меня, чуть изучающе, будто исследуя мои реакции, и я растерялась – даже не столько от его слов, сколько от этого несвойственного ему взгляда. Слова показались мне абсурдными – что значит «больше меня не любит»? Так не бывает: любил, любил, а потом перестал. Так не может, не должно быть!

Но Кирилл с мягкой полуулыбкой объяснил: к сожалению, именно это с ним и случилось. Он полюбил другую женщину, собирается на ней жениться и просит меня не устраивать скандала и расстаться по-хорошему. Так он и сказал – «по-хорошему».

– Кирюша... а как же я? – спросила я, еще не понимая, что все закончилось.

– А ты сама решишь, как ты дальше, Викуш, – почти ласково сказал мой муж. – Детей у нас с тобой нет, делить нам нечего, так что ты, дорогая, птица свободная.

Да, детей у нас не было – по моей вине. Доктора говорили, что считать себя виноватой в неспособности родить ребенка – неправильно, но иначе относиться к своему бесплодию я не могла. Слабо утешало меня лишь то, что Кирилл не любил чужих детей и был равнодушен к рождению своих собственных. Когда я как-то раз заикнулась о том, чтобы взять малыша из детского дома, он с равнодушной брезгливостью пожал плечами: «Хочешь – заведи...» И я оставила эту затею.

– Постой... – Я еще пыталась что-то выяснять, о чем-то просить, хотя это было то же самое, что хватать уходящий поезд за колеса. – Кирюша, я понимаю, что ты влюбился... но, может быть, ты дашь нам время? Попытаешься разобраться в себе? Нельзя же разрушить семью... вот так... просто...

– Да ничего ты не понимаешь! Вика, пожалуйста, только без истерик. Мы взрослые люди, верно? Я тебя очень любил, но, к сожалению, этого чувства больше нет, оно ушло. Я ничего с этим сделать не могу. Понимаешь? Ничего. У меня другая женщина, и я хочу, чтобы она жила со мной.

«Другая женщина...» Я опустила на стул, попыталась вдохнуть, но воздух плохо проходил через горло.

– А как же я?

Мне показалось, что я не говорю, а сиплю, но он расслышал.

– Ты... Не знаю. Найдешь себе работу, будешь снимать квартиру, как все делают. Ты же взрослый человек, правда?

Что-то из того, что он мне сказал, задержалось в моей бедной голове и мешало, как заноза в ухе. Наконец я поняла, что именно.

– Снимать квартиру? А наш дом?

– Не понял... Ты о чем?

Мне показалось или в голосе его появилась угроза?

– Я о нашем доме! Об этом!

Он присел передо мной на корточки, ухмыльнулся, глядя своими невероятно красивыми голубыми глазами прямо мне в глаза.

– А это, дорогая Вика, вовсе не наш с тобой дом. Это мой дом, и только мой. Я его купил для себя!

– Но мы... – забормотала я в полной растерянности. – То есть подожди... В браке... Значит, половина или треть принадлежит мне...

– Ошибаешься, детка. Я ее купил не в браке, а тогда, когда мы были разведены. Так что извини, малышка, но эту квартиру я сам заработал. А тебе свою придется зарабатывать самой.

Мне нужно рассказывать вам, что было дальше? Юрист, к которому я, отупев от горя, пришла за помощью, объяснил, что квартира действительно по закону принадлежит моему мужу. Да, после моего возвращения мы расписались снова, но это ничего не значит – ведь на момент покупки мы были в разводе. Что, фиктивный развод? Преследование конкурентов? И есть свидетели, готовые подтвердить ваши слова? Ах, вот как... тогда, боюсь... Вся эта история с конкурентами звучит, откровенно говоря, не слишком серьезно.

Да... Вот что я услышала от юриста. Больше всего меня поразило не то, что я осталась нищей – без своего угла, без денег, без работы... И даже не то, что муж, составлявший смысл моей жизни, моя единственная любовь, бросил меня. Наверное, это можно было пережить. Но когда я поняла, что вся история с преследованием и конкурентами была выдумкой, рассчитанной на то, чтобы безболезненно развестись со мной и отправить меня прочь, а затем повернуть свои дела; когда я осознала, что после этого мой муж еще жил со мной в течение полутора лет, смотрел на меня по утрам, занимался со мной любовью, выслушивал мои признания и вел себя как ни в чем не бывало, *хотя уже тогда знал, чем все закончится*, – вот это ударило меня по голове так, что я окончательно потеряла чувство реальности.

Вы понимаете? Нет, вы в самом деле понимаете? Я спрашиваю потому, что мне понадобилось два дня на то, чтобы после объяснения юриста поверить, что так оно все и было. Он жил со мной, делал вид, что любил, ворчал по утрам, если воротник рубашки был недостаточно отглажен, хвалил мой ужин – зная, что вскоре убьет меня.

Я пыталась представить, что он думал, что чувствовал, что было в его голове, когда он спланировал все это, решив, что использует меня еще пару лет, а потом выгонит, когда он оформлял документы, провожал меня на поезд, когда звонил и скупно ронял, что «пока жив, а там посмотрим»... Но у меня не получалось. Существо, способное на подобный поступок, не могло быть моим мужем, с которым я прожила столько лет! У него не могло быть две руки, две ноги, красивое человеческое лицо и голубые глаза. Скорее оно должно было быть похоже на инопланетное чудовище – с его чудовищной моралью, непонятной нам, обычным людям.

Я до сих пор думаю, что тогда, на вокзале, я каким-то чутьем поняла, что Кирилл действительно нет – точнее, нет того человека, с которым я жила все годы. Именно это ощущение, в котором я сама не смогла разобраться до конца, вылилось в отчаянный крик, и если бы я умела прислушиваться к себе, то я бы никуда не уехала из Москвы. Но я не умела.

В слабой попытке бороться я подала в суд... Но Кирилл уже тогда имел достаточно средств, чтобы подкупить судью и нанять ушлого юриста, который без труда доказал, что мы постоянно ссорились и наш развод был не фиктивным, а настоящим. Мне все-таки достались кое-какие средства, потому что мы прожили вместе долгое время, но их было совсем мало: как выяснилось на суде, самому Кириллу не принадлежало ничего из того, чем он пользовался, – например, машина была записана на его фирму, которой, по документам, опять-таки владел другой человек. Я видела в коридоре суда, что он открыто подсмеивается надо мной, но ничего не чувствовала – почти утратила эту способность. Когда все закончилось и суд постановил выплатить мне смехотворную сумму, я долго не могла разобраться, чего еще от меня хотят, и моему юристу потребовалось дернуть меня за руку, чтобы я перестала смотреть на мужа и вышла из зала суда.

Состояние мое было таким, что я поймала такси и назвала адрес Сени, приятеля Кирилла, с которым их связывали общие воспоминания юности и кое-какие шалости, как говаривал муж. Я была уверена, что он сможет мне помочь, подсказать, что делать, а главное – сможет снова вернуть этот скобочившийся, сошедший с ума мир в нормальное состояние. Семен всегда симпатизировал мне, и я хорошо к нему относилась, несмотря на то, что он много лет отсидел в тюрьме за жестокое преступление.

Через два часа таксист высадил меня около его дома. Я поднялась на второй этаж, нажала на кнопку звонка, дождалась, пока мне откроет незнакомая пятнадцатилетняя девочка, и только тогда вспомнила, что Сеньки здесь нет, потому что он уже несколько месяцев как мертв, и я это знала. Вопль, вырвавшийся из моего горла, был отчаянным воем сошедшей с ума собаки, обнаружившей, что ее долго кормили, холили и ласкали лишь затем, чтобы в итоге нарезать из нее тонкие полоски мяса и замариновать их в соевом соусе, а единственный пес, с которым она могла поделиться своим страшным открытием, – сгнившее чучело со стеклянными глазами.

Глава 2

Татьяна раздела Матвея, запихнула шапку в рукав его куртки и бросила взгляд на прелестную девочку, сидевшую рядом. Пока ее мать трещала, прижав плечом к уху трубку сотового телефона, девочка расправляла многоярусные оборки розового платья, казавшегося стеклянным: одну за другой, вдумчиво, неторопливо... И походила то ли на куклу, наряженную принцессой, то ли на принцессу, наряженную куклой.

К девочке подскочил мальчуган лет шести в костюмчике, с галстуком-бабочкой, и оба принялись оживленно болтать, причем девочка точно так же наклоняла голову, как ее мать, хмурила брови и взрослым жестом то и дело поправляла у мальчугана бабочку, и без того сидевшую ровно.

«Все дети как дети, – грустно размышляла Таня, одергивая на сыне джемпер, как всегда, собравшийся где-то под мышками и из симпатичной вещицы превратившийся в невнятную тряпочку, – наряжаются, красуются, общаются! Один мой...» Она не договорила про себя и только красноречиво взглянула на Матвея.

Мальчик сидел молча и явно скучал. Его не интересовали ни другие дети, ни оживленная суматоха возле лотка с заманчивыми детскими глупостями вроде париков, карнавальных масок и волшебных палочек, ни даже буфет, хотя Татьяна пообещала ему купить любое пирожное, какое он захочет. Он послушно сложил руки на коленях и ждал, когда же мама наконец уведет его куда-нибудь из этого шумного, суетливого и весьма бесполового места.

– Посиди, подожди меня, – сказала Татьяна, примеряясь к очередям в гардероб, – я сейчас.

Когда она вернулась, девочку в розовом сменила девочка в красном, а Матвей так и сидел, безучастно глядя перед собой.

– Послушай, – начала она, чувствуя, как в ней закипает беспричинная злость, и всеми силами стараясь подавить ее, – а ты вообще хочешь идти на спектакль?

– Ну-у-у... хочу, – без энтузиазма ответил сын.

– Вот и пойдем! – приказала Татьяна, хотя секунду назад решила, что сейчас же, немедленно, отведет его домой без объяснения причин, и пусть он там сидит с выражением лица «мне ничего от вас не надо».

– Пойдем, – согласился Матвей, поднялся и вопросительно посмотрел на нее: – Куда идти?

Он видел, что мать рассержена, но не понимал почему. Да ему было и не до того, чтобы обдумывать причину, потому что среди большого скопления детей и взрослых он всегда чувствовал себя неловко и, если признаться честно, чуточку боялся. Он, конечно, тщательно скрывал свой страх от матери, и даже от самого себя скрывал опасения, что его заберут чужие взрослые – возьмут деловито за руку, как будто он их сын, и уведут в свою семью. А оттуда он уже не сможет сбежать, потому что все время забывает номер квартиры, и мама ругает его за это. А она, наверное, будет бегать, искать, сначала начнет зло ругаться, а потом испугается, как всегда бывает, но в конце концов подберет себе другого мальчика и успокоится. Решит, что теперь этот мальчик будет ее сыном.

Поэтому Матвей мрачновато поглядывал на мальчишек, попадавших на их пути. Одного, самого неприятного, он заметил, когда они поднимались по лестнице. Тот шел им навстречу из полутемного коридора и смотрел как-то особенно пристально и исподлобья, словно понимал, о чем думает Матвей, и заранее претендовал на его маму, хотя сам Матвей еще никуда не потерялся и вообще крепко держал ее за руку. Насупившись, Матвей даже подумал о том, что неплохо было бы толкнуть его плечом, будто невзначай – тем более что мальчишка

шел напрямик к нему, – и вдруг понял, что смотрит в зеркало. Он остановился как вкопанный, заморгал, и мальчик сделал то же самое, отчего лицо у него стало глуповатое и смущенное.

– Ну что ты встал? – недовольно спросила мать. – Пойдем, уже второй звонок.

Матвей прыснул со смеху, и она удивленно покосилась на него. А ему неожиданно стало легко и радостно, и даже поездка в незнакомый театр, слишком большой и шумный, перестала казаться наказанием за скандал, который он устроил у бабушки с дедушкой. И он хихикал до тех пор, пока они не сели на свои места и не заиграла музыка – легкая-легкая, щекочущая, стрекозиная.

Первые десять минут Татьяна боялась, что сейчас придет кто-нибудь с билетами на их места и попросит их удалиться. Она купила билеты с рук за день до спектакля и опасалась, что ей всучили подделку – раньше ей никогда не приходилось приобретать билеты не в кассе. По правде сказать, она крайне редко выбиралась в театр и ругала себя за это. Вон, даже собственный сын смотрит дичком – настолько ему все непривычно.

За безобразное поведение в гостях у ее родителей она хотела лишить Матвея театра, но передумала: слишком дорого достались ей эти билеты, во всех смыслах, и к тому же она никогда прежде не водила его на музыкальные спектакли. «Сначала смотрел букой, потом на лестнице вдруг начал смеяться ни с того ни с сего... Господи, ращу какого-то истерика! Гроблю ему жизнь, иду на поводу у родителей... Ну что он такого сделал, в конце концов? Сказал Леше, что тот дурак... Так он вовсе не имел в виду его слабоумие, а просто обозвал, как ребята во дворе обзываются. Устроили из этого целый показательный процесс – неудивительно, что он стал рыдать и обзывать их. А ведь он славный мальчик, добрый, и хорошо относится к Лешке...»

Татьяна покосилась на сына. Тот сидел, открыв рот, и смотрел на сцену, где король ругал Лесничего за то, что тот не помешал мачехе измываться над Золушкой. Ей вспомнилось, как кричали родители, требуя немедленно наказать Матвея, выпороть его, лишить сладостей до конца года, а еще лучше – лишить всех радостей, всех! Как визгливо, перебивая друг друга, докладывали о его преступлениях, а сын рыдал и заикался в соседней комнате, куда его выставили после инцидента. Как отец, поняв, что немедленная порка откладывается, зашипел на нее: «Избалуеть своего байстрюка, вырастет такое же чмо, как его папаша, будет окрестным девкам детей заделывать!», и впился глазами ей в лицо, ожидая реакции – не выдаст ли себя дочь? не проговорится ли?

Она ничем себя не выдала. Сжала зубы и пошла в комнату к сыну, приговаривая про себя как заклинание то, чем спасалась каждый раз, приезжая к родителям: «Только ради Лешки... Только ради Лешки». Так что очередная попытка ее отца выяснить, кто же «папаша» его внука, провалилась.

Лешка расстроился, когда они уехали... Он не понимал, почему они побыли так недолго и почему на него кричат – а отец, конечно же, разорался и на него тоже. К приходу сестры Лешка сидел, забившись в угол, – большой, нескладный, с жирным свисающим подбородком, и теребил в руках одну из тех коробочек, которые по настоянию матери сам клеил. От постоянного пребывания в квартире кожа у него была бледная, водянистая, и Татьяне остро захотелось вывезти его в деревню, на свежий воздух, где он сразу начинал чувствовать себя лучше и совсем ничего не боялся, даже мотоциклов. «Еще месяц до отпуска – и я его заберу. Только месяц. Только месяц».

На сцене маленькая Золушка с вьющимися золотистыми волосами, обрамляющими усталое личико, пела, обращаясь к залу, и от проникновенной грустной мелодии Татьяне захотелось плакать.

Добрые люди, добрые люди,
Будет ли чудо со мной или не будет?

И неужели на белом коне
Счастье мое не придет ко мне?

Золушка умоляюще протягивала руки к молчащему залу, и на трогательно детские, худые запястья падал яркий свет, словно просвечивая их насквозь. Золушка кружилась с метлой, и под ее руками распускались цветы, а высокий нежный голос пел песню о том, что жизнь проходит мимо, а счастья все нет, и дни похожи один на другой. Во всяком случае, так слышалось Татьяне.

Добрые люди, добрые люди,
Кто пожалеет, а кто-то осудит,
Но все равно не устану опять
Верить, надеяться, ждать и мечтать...

«Нет, – озлобленно подумала Татьяна, прогоняя прочь жалость к несчастной девчужке, затравленной мачехой и сестрами, брошенной отцом, – никакого чуда с тобой не будет. Чудес не бывает, детка! Никакой принц в тебя, конечно же, не влюбится, через пару лет из миленькой девочки ты превратишься в несвежую девицу, и закончится все тем, что завалит тебя соседский конюх на сеновале, обрюхатит, и родишь ты еще одну такую же замарашку-неудачницу, обреченную на метлу и грязную тряпку. Никакого чуда, Золушка. И не проси о нем, не раздражай лишний раз окружающих, вынужденных развенчивать твои детские фантазии. Чудес не бывает – в твоем возрасте пора бы это знать».

Когда спектакль закончился и улыбающиеся артисты ушли, сжимая букеты, Татьяна наклонилась к сыну.

– Тебе понравилось? – Она не рассчитывала, что он скажет «да», и ожидала хотя бы снисходительного «ну так себе, неплохо».

Но он повернул к ней сияющее лицо, и Татьяна увидела, что в глазах его плещется восторг.

– Очень! Ужасно понравилось! А ты видела, как Кот в сапогах прокатился по сцене колесом? Видела? – Он захлебывался от впечатлений, жестикулировал, оборачивался к занавесу, словно надеялся, что у спектакля будет продолжение. – Ма, а мы еще раз пойдем на «Золушку»? Пойдем, пожалуйста!

– Посмотрим, – небрежным тоном ответила Татьяна. – Если будешь хорошо себя вести, то, может быть, и пойдем.

Вставая, она мысленно поклялась купить билеты еще на один спектакль. Как только получит зарплату, надо сразу же отложить денег и купить. Наплевать на то, что все траты рассчитаны до рубля, можно на время даже забыть про то, что Лешке требуется очередная упаковка лекарства, которую родители, конечно же, не торопятся покупать... Два билета на хорошие места обойдутся ей в тысячу двести, и она найдет способ выкроить их из семейного бюджета, раз Матвей просит.

Подходя к дому, Татьяна едва не наступила в лужу, погруженная в размышления о финансовой стороне предстоящего похода в театр. Схватила сына за руку, чтобы удержаться на бордюре, и вдруг в нескольких шагах от себя увидела знакомую фигуру. Не поверив своим глазам, она остановилась, и на нее налетел сзади прохожий, сам же басовито извинился, а Матвей принялся дергать ее за рукав курточки:

– Мам, ты чего встала?! Мам, пойдем, мы мешаем!

Татьяна машинально сделала несколько шагов в сторону и снова встала как вкопанная. Человек, которого она меньше всего ожидала увидеть в своем дворе, стоял возле машины –

лицо у него было одновременно растерянное и испуганное, и ей пришло в голову, что сейчас они выглядят одинаково.

Он быстро взял себя в руки, кивнул ей, перевел взгляд на Матвея, и Татьяне захотелось закрыть мальчика собой, чтобы его не разглядели, не запомнили.

– Быстро, – сквозь зубы сказала она, но уйти не успела.

Данила Прохоров направился к ним. Испуг и растерянность исчезли с его лица, и он по-прежнему не сводил глаз с Матвея.

– Ну здравствуй, – хрипло сказал он, остановившись перед ними – высокий, выше Татьяны, загорелый до черноты, как цыган, несмотря на то, что стояло самое начало мая, с обветренными скулами и короткими усами над губой, придающими ему сходство с пиратом. В свои тридцать Прохоров выглядел старше – лет на тридцать пять, не меньше. – Давно не виделись.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Матвей.

– Матюша, нам пора идти, – быстро проговорила Татьяна.

– Я по делам приехал. Ненадолго. – Данила присел на корточки перед мальчиком. – Тебя как зовут?

– Матвей.

– Матвей... А вы с мамой когда в Голицыно приедете, а, Матвей?

«Не говори! – мысленно взмолилась Татьяна. – Только не говори ему! Соври что-нибудь, а еще лучше скажи, что не знаешь!»

– Наверное, в самом начале июня, – солидно, по-взрослому сообщил Матвей. – Когда у мамы отпуск начнется, тогда возьмем дядю Лешку и приедем.

Прохоров поднял голову, уставился на Татьяну снизу.

– Значит, когда у мамы отпуск начнется...

– Еще не факт, – процедила Татьяна, холодея от ненависти к нему. – Может быть, мы к морю поедем.

– Мам, да ты чего! – возмутился Матвей. – Сама же говорила, что на море денег нет! Я хочу в Голицыно! Там...

Мать метнула на него короткий взгляд, и он осекся, как будто его задело острым краем ее ненависти. Что он такого сказал?!

– К морю – это тоже хорошо, – усмехнулся Прохоров. – Хотя у нас все-таки лучше. Так что приезжай, я тебе в лесу покажу дупло, где дятлы гнездо соорудили.

Теперь он обращался только к мальчику, подчеркнуто игнорируя Татьяну.

– А вы откуда про дятлов знаете? – заинтересовался Матвей.

– Так я тоже в Голицыно бываю. Последние шесть лет, правда, не приезжал, но в этом году обязательно приеду. Гнездо тебе покажу, если захочешь.

– Что, там и дятлята будут? – восхитился Матвей.

– Обязательно будут. Приедешь?

– Сто пудов!

– Вот и договорились. Ну, бывай. Мать не давай в обиду.

Он поднялся и зашагал к машине, не обернувшись на Татьяну.

– Мам, а что это значит – не давай в обиду? – затеребил ее Матвей. – Тебя что, кто-то обижает? А? Ну скажи!

– Нет, – выдавила она, провожая взглядом отъезжающий джип. – Никто меня не обижает, Матюша.

Она представила, как Прохоров несется на своем джипе по трассе, отчетливо вообразила «КамАЗ», вильнувший на встречную полосу, и груды железа, в которую превратится машина Прохорова, попав под его колеса. Она отдала бы двадцать лет жизни за то, чтобы стать ведьмой

и иметь возможность насылать проклятия на людей. А еще лучше – просто убивать их силой мысли. Хотя бы одного. Только одного.

Алиса

Сегодняшний день выдался солнечным и безветренным, и по дороге к родительскому дому я с удивлением наблюдала людей, кутавшихся в плащи и куртки. А они платили мне таким же недоумением во взглядах, которые бросали на мои летние хлопковые брюки и топ на тонких бретельках. Папа называет эти бретельки, а за ними и сами топики «лямочками». У него это звучит смешно и нежно: «А, опять ты сегодня в лямочках!»

Мои неразлучники, разбудившие меня с утра своей болтовней, умеют смеяться. Да-да, не удивляйтесь – они издают негромкие звуки, похожие на простуженный смех очень старого человека, радующегося тому, что ему отпущен еще один день жизни. Муж хохотал до слез, услышав их, и ушел на работу посмеиваясь. Я рада, что они привлекают его внимание.

Знаете, я классифицирую людей по смеху. Есть люди, которые смеются, как вода звенит в ручье – обычно такой смех свойственен стеснительным женщинам. Есть гогочущие, как гуси. Есть похрюкивающие – их очень много. Как ни странно, самым прелестным смехом, какой я когда-либо слышала, смеялась одна из самых глупых девушек, встретившихся в моей жизни. Я бы даже сказала, что она была набитой душой. Но при этом смех ее был просто удивителен – заразительный, звонкий, переливистый, ну просто рассыпающаяся драгоценность, а не смех.

Мой муж смеется резко, словно выкашливая из себя звуки, и услышать это можно нечасто. При мне он расслабляется, к тому же я умею рассмешить его – не специально, так получается само собой. А моя мама смеется тихо, словно хитрая мышка, утачившая сыр из мышеловки и радующаяся своей ловкости. От ее смеха я сразу начинаю улыбаться во весь рот, и папа говорит, что я становлюсь похожей на мартышку.

Возле родительского дома я на секунду останавливаюсь, потому что мне кажется, будто привычный порядок их тихого двора нарушен. Но затем убеждаюсь, что все на своем месте: Викентий Степанович из второго подъезда висит на турнике, «пистолетиком» поднимая ноги в растянутых трико – ему скоро семьдесят, но он собирается прожить до ста десяти и «выглядеть в гробу бодрым старикашкой», как он сам говорит; тетя Света, прозванная детьми «Полбатонша» за любовь к сильно декольтированным платьям, выгуливает на поводке свою беспородную кошку; Ираида Карловна, кряхтя, рыхлит клумбы, которые она из года в год засаживает нарциссами, а те упрямо вянут – она уверена, что ей назло.

Помните песню «Битлз» – «Элеонора Ригби»? Она и про этих людей тоже. Я здороваюсь с ними, а Викентий Степанович подмигивает мне и, спрыгнув с турника, показывает большой палец – это значит, что ему пришлось по душе мой сегодняшний наряд. Он у нас большой эстет, особенно если дело касается открытых женских плеч и спин.

По лестнице мне навстречу сбежал человек, которого я узнала еще на первом этаже по шагам, и мне захотелось проскочить мимо него как можно быстрее, а еще лучше – стать незаметной и слиться с чужой дверью. Но не получилось ни первое, ни второе. Максим Белосусов, которого я знаю как Макса, а его пациенты – как Максима Степановича, остановился, заметив меня, а затем стал спускаться неторопливо, словно считая про себя шаги. Я-то их точно считала. Он прошел пять ступенек, прежде чем встал возле меня и улыбнулся – но так, будто он совсем не рад меня видеть, вежливой холодной улыбкой.

– Привет, Алиса.

– Привет.

Максим – мануальный терапевт. Люди записываются к нему в очередь за месяц, потому что его огромные грубые руки – красные, устрашающего вида, в веточках лопнувших сосудов – умеют избавлять их от боли. Когда у папы заболела спина, Максим вправил ему позвоночник

двумя нажатиями. Дело происходило при мне, но я даже не заметила, чтобы он что-то сделал: всего лишь дотронулся растопыренными ладонями до папиной спины, подержал так, а потом лицо у отца изменилось – расслабилось, будто потекло. «Ну вот и все, – сказал тогда Максим Степанович. – Не нужно больше тяжести на спор поднимать». И подмигнул мне, как будто знал точно, что именно поднимал папа. Маму, да. Вместе со стулом, на котором она сидела.

Максу тридцать восемь лет, и у него невероятно красивая жена. Даже деревья перестают качаться от ветра, когда она идет к дому, и замирают всеми ветвями. Даже подвальные кошки забывают о своих мисках и оборачиваются ей вслед. Чуют свою, наверное, потому что жена Макса похожа на рысь в человеческом облике, и, когда я встречаю ее, мне всегда кажется, что по ночам она носится по крышам и охотится на крыс – просто так, ради тренировок.

Они были отличной парой, Макс и Маша. Она – длинная, гибкая, с раскосыми глазами и волосами до пояса, вышагивающая по нашему дворику так, словно идет по подиуму, и он – неторопливый, очень спокойный – из тех людей, которые уверены в себе и в окружающем мире. Мне кажется, что нет ничего, что могло бы выбить Макса из колеи. Он из рода людей-скал, за которых хочется уцепиться тем, кто барахтается в ледяной воде.

Я говорю «они *были* отличной парой», потому что два года назад развелись, и с тех пор Макс остался один в этой квартире, а Маша уехала неизвестно куда. Он частенько выпивает с друзьями, но я никогда не видела его пьяным – за исключением одного-единственного случая, когда мы столкнулись на лестнице поздно вечером и он... Впрочем, об этом я стараюсь не вспоминать. Нельзя.

Но навязчивое воспоминание все-таки прорывается сквозь заслон, который я пытаюсь установить, и мне кажется, что я чувствую легкий запах водки, которую заедали жвачкой с ментолом. От Максима в тот вечер пахло именно так.

Я тогда первый раз появилась у родителей после свадьбы – прошло около двух недель – и налетела на него, совсем как сегодня. До меня не сразу дошло, насколько он пьян, потому что прежде я ни разу не видела его пьяным. Макс стоял покачиваясь, перегородив проход, и сгреб меня в охапку прежде, чем я успела сказать: «Пропусти меня, пожалуйста».

Меня никогда так не обнимали. Мой муж – очень сильный человек, но его сила другого рода. Макс обнимал меня так, будто и хотел сделать мне больно, и очень боялся этого. Минуту мы молча смотрели друг на друга, а потом он протянул с горечью и тоской:

– Алиска, зачем?! Ну скажи, заче-е-ем?!

Я молчала.

– За кого ты вышла замуж, а? – пьяным нетвердым голосом спросил он. – За какую сволочь? Или он не сволочь? Мне плевать! Алиска, глупенькая ты моя... И я идиот!

Я попыталась вырваться, и тогда он наклонился и поцеловал меня. Он целовал меня долго, требовательно, прижимая к моей спине ладони – такие горячие, что казалось, они вот-вот прожгут мне платье. А потом отпустил, почти оттолкнул, сел на ступеньки и сказал, не оборачиваясь на меня, сухим и холодным тоном, словно вдруг протрезвел:

– Иди. Быстро. Обещаю, что больше такого не повторится.

Это больше и в самом деле не повторилось. И не повторится – мы оба знаем.

– Как ты?

Сейчас своим коротким вопросом Максим вышибает у меня почву из-под ног. Чужие друг другу люди не должны нарушать установленных границ, разделительные столбы на которых заменяют удобные общепринятые фразы: «как дела?», «летом смотались в Турцию на недельку», «а помнишь Светлану Изольдовну?»... Можно разговаривать пятнадцать минут и не произнести ничего, что содержало бы какой-то смысл – лишь расставить эти столбики и отойти за демаркационную линию.

Но вопрос Максима – вопрос не чужого человека. «Как ты?» – это попытка перешагнуть на мою сторону, а туда доктору Белоусову нельзя. Ему нечего там делать.

– Все хорошо, – говорю я и улыбаюсь.

И тут же чувствую, что улыбка была лишней.

Так мы с ним и стоим на лестнице: он улыбается своей вежливой улыбочкой, я – глупой, а тем временем стены вокруг нас замерзают, и лед отваливается с них кусками и с тихим звоном разбивается у моих ног.

– Я пойду... – говорю я и, поскольку он не двигается с места, осторожно обхожу его, фактически втираюсь между ним и стеной, и бегу вверх по лестнице, чувствуя, что доктор Белоусов смотрит мне вслед. Я стараюсь о нем больше не думать, потому что некоторые мысли просто нельзя впускать в голову – если они попадают туда, то начинают бродить там, словно неприкаянные гости, и громко стучатся изнутри, требуя что-то сделать.

Войдя в квартиру, я кричу: «Мам, пап, это я!» В кухне на столе ждут помидоры, которые я купила для салата, а рядом стоят банка со сметаной и бутылка подсолнечного масла. Дело в том, что мои родители никогда не ссорятся. Если только дело не касается салата! Папа уверен, что заправлять помидоры, перемешанные с репчатым луком и огурцами, можно только подсолнечным маслом, а мама настаивает на сметане. Мне-то все равно, но ради удовольствия послушать, как родители будут в шутку пререкаться, я готова покупать помидоры каждый день.

Впрочем, сегодня я просто кричу:

– Пап, я заправлю салат сметаной!

И щедро выливаю полбанки в миску.

Потом я ношусь с тряпкой из комнаты в комнату, рассказывая папе и маме все мелочи, происходившие со мной. В родительской комнате работает телевизор, с улицы доносятся голоса, солнце расползается по квартире, кувыркается в стеклянной миске с салатом, из которого торчит деревянная ложка. Безмятежность – это когда ты знаешь, что все то же самое будет и год спустя, и десять лет спустя, и двадцать, и твоя уверенность приправлена счастьем, как салат майским солнцем.

Между прочим, я не рассказывала вам, как познакомились мои родители? Нет? Ну что вы – это же наша семейная легенда!

Дело в том, что моя мама оказалась в мужском туалете. Когда ее спрашивают: «Оленька, послушайте, но как же можно перепутать мужской туалет и женский», она разводит руками и объясняет, что ах, такая глупость, она никогда не различает нарисованных на дверях человечков, которые символизируют мальчика и девочку. Это правда – мама у меня человек ужасно рассеянный и порою впадающий в ступор от самых элементарных проблем. Для этого и нужны мы с папой – чтобы опекать ее. Иначе она давно потерялась бы в лабиринте слишком сложных для нее вещей – таких, например, как стеклянные вращающиеся двери, которых она не любит и боится. Так и вижу маму, пойманную дверями и не понимающую, как из них выбраться, умоляюще глядящую из-за стекла, похожую на маленькую экзотическую рыбку, где-то потерявшую свой вуалевый хвост.

Так вот, в тот день мама пробежала по одному из корпусов своего института, куда редко заходила прежде, и искала туалет. И когда она увидела две двери, то, не раздумывая, метнулась в ту, где была нарисована девочка в юбочке – во всяком случае, так ей показалось.

Не обратив внимания на некоторые нетипичные детали интерьера, мама пролетела к кабинке, и тут навстречу ей из другой кабинки вышел мой папа.

Мама рассказывала, что от возмущения у нее перехватило дыхание. Мужчина! В женском туалете! Идет, словно так и полагается, и еще имеет наглость коситься на нее. Нет, она все понимает, но должен же быть предел бесстыдству! И моя мама, забыв о деле, которое привело ее в туалет, громогласно высказала отцу все, что она думает по поводу его поведения.

Папа говорит, что речь ее была пылкой, убедительной и вдохновенной. Ему даже стало искренне стыдно – вот что значит сила слова. Он раскаялся, попросил у мамы прощения, обещал, что больше никогда не будет так делать – и все это почти от души, заметьте, – дождался,

пока она смягчилась, а затем подвел ее к тем деталям интерьера, которых она не заметила, – то есть к писсуарам. И молча стал ждать результата.

По утверждению отца, никогда прежде ему не доводилось видеть на чьем-нибудь лице такую выразительную смену чувств. Пока мама тарашилась на писсуары, папа тарашился на нее, и закончилось все тем, что он расхохотался, а она залилась краской, и пролепетала какую-то ерунду вроде «простите меня, месье», после чего предприняла попытку удрать. Но не тут-то было! К этому моменту папа, как он уверяет, осознал, что встретил женщину своей мечты и что позволить ей сбежать будет самой большой ошибкой его жизни.

Он и не позволил.

Они поженились спустя три месяца после той встречи. На свадебной фотографии мои родители хохочут: молодой отец похож на симпатичного большеголового лягушонка, которого нарядили в жилетку, а мама – на застенчивую пухлую мышку в фате. Смешные, милые, ужасно трогательные. Они такими и остались.

Салат оказался до того вкусным, что я незаметно для себя подъела весь, разглядывая в окно чинно прогуливающуюся пару старушек с первого этажа. Затем, быстренько собравшись и крикнув на прощанье: «Пока-пока, цветы я полила!», выскочила на улицу и даже успела пройти несколько шагов, как вдруг поняла, что именно изменилось в знакомом мне с детства дворе.

Не изменилось – появилось. Машина, стоявшая возле соседнего подъезда. В ней не было бы ничего удивительного, если бы я не была уверена, что уже видела ее сегодня утром возле моего дома. Вы знаете, что я обращаю внимание на слова, на разные мелочи, которые могут не значить ничего, а могут – очень много... Утром я заметила красный «Фольксваген», буквы на номере которого складывались в слово «нос». По простейшей ассоциации мне сразу представился красноносый хозяин-алкоголик машинки, и меня это позабавило.

Теперь «Фольксваген» прятался за кленами, а его хозяин сидел внутри. Конечно, нет ничего удивительного в том, что машина переехала из одного района в другой, но мне все-таки стало не по себе. Замедлив шаг, я подумала, не рассмотреть ли водителя поближе, но затем отказалась от этой мысли.

Мне очень хотелось верить, что появление красной машины никак не связано со мной.

Виктория

Я остановилась в посредственной гостинице, главным достоинством которой было ее расположение – неподалеку от офиса моего бывшего мужа. Советский сервис не исчез с появлением на карте вместо СССР страны России, как можно было бы ожидать, а только сильнее укоренился в местах своего господства: магазинах, службах коммунального хозяйства и, конечно же, гостиницах. Горничная, убиравшая мой номер, посматривала на меня с чувством классовой ненависти, которое она даже не давала себе труда скрывать, и на лице ее было написано презрение к иностранцам с их сытой, но духовно бедной жизнью. Я по-шведски попросила ее убраться в мое отсутствие, и тогда она с удовольствием сообщила на плохом английском, что не понимает меня. Нагловатые глаза навывкате, раскормленное лицо с пухлыми губами, желтые завитушки волос и вопрос «чо?» в качестве первой реакции на любой раздражитель: вот вам портрет блохи, разносящей эту заразу – «совковый сервис», – по местам скопления людей, комфорт которых полностью зависит от чужой воли.

– Пошла – отсюда – вон, – раздельно проговорила я на русском, не глядя на девицу.

От неожиданности она даже не задала своего фирменного вопроса. Лишь замерла в дверном проеме, моргая накрашенными ресницами.

– Ты тупая? – Я коротко взглянула на нее, сняла с запястья часики и бросила на кровать. – Тебе сказано: пошла вон. Вернешься, когда номер будет свободен. Вздумаешь пакостить – уволят в пять минут.

Она попятилась, наткнулась на шкаф и тут же испарилась, стоило мне отвернуться к окну. У меня даже возникло подозрение, что она спряталась в шкафу и телепортировалась куда-нибудь – например, в подвал. Удивительно понятливая оказалась девушка.

Не подумайте, что рывканье на дуру-горничную принесло мне моральное удовлетворение. Вам нравится давить тараканов? Надеюсь, что нет. Но эта неприятная процедура неизбежна, если вы не хотите созерцать омерзительных насекомых на вашей кухне.

На кухне, куда пятнадцать тысяч лет назад я устроилась работать посудомойкой, жили невероятные тараканы: темно-коричневые, как орех фундук, лоснящиеся, перемещающиеся бодрой тараканьей рысью по всем поверхностям. Каждый – размером с пулю. Я боялась их и поначалу плакала, стоило мне завидеть таракана, но это быстро прошло: понимаете, когда плакать приходится больше двадцати раз за день, слезы почему-то очень быстро заканчиваются.

Но давайте по порядку. Мой муж выставил меня из квартиры на следующий день после того, как получил в руки решение суда. Он не разрешил мне взять хороший дорогой чемодан, и я свалила вещи – их оказалось удивительно мало – в спортивную сумку, с которой он когда-то ходил в тренажерный зал. У сумки оторвалась одна ручка, а молния на кармашке заедала, и Кирилл купил себе новую, фирменную, а эту по какой-то причине не выкинул.

Именно ее он сунул мне под нос со словами: «Это тебе, барахло упаковать», и я машинально ответила ему «спасибо» – ведь я привыкла говорить ему «спасибо» за все добрые дела, которые он мне делал. И Кирилл, как хорошо воспитанный человек, даже ответил «пожалуйста».

Когда я вышла из подъезда, прижимая к себе грязную спортивную сумку (нести ее за одну ручку оказалось очень неудобно), пошел дождь, и я долго стояла под козырьком подъезда, ни о чем не думая. Нет, все-таки одна мысль в моей голове была – я хотела, чтобы дождь шел вечно. Тогда я бы вечно стояла и смотрела на его струи, и в конце концов все-таки тихо умерла бы, а затем проросла возле стены дома травой с узкими зелеными листьями.

Но дождь прекратился, и мне пришлось спуститься на тротуар и пойти куда глаза глядят – в прямом смысле. Я не знала, куда мне идти и что делать. И дело было даже не в том, что у меня не осталось родных, а все знакомые жили в другом городе, и не в том, что денег, спрятанных в потайном кармашке сумки, мне хватило бы примерно на неделю... Просто у меня возникло ощущение совершенной бессмысленности всех действий, которые я могу предпринять. И еще – не забывайте, что на протяжении многих лет единственными вопросами, по которым я принимала решение, были вопросы уборки, приготовления еды и рукоделия. Я не умела распоряжаться собственной жизнью, и самым очевидным решением, маячившим передо мной, было сделать с собой что-нибудь такое, чтобы эта проблема – проблема распоряжения собственной жизнью – отпала навсегда.

От самоубийства меня удержала мелочь. Такая ерунда, что, видит бог, даже рассказывать неловко. К тому же я боюсь, что вы мне не поверите. Дело в том, что на предыдущий день моего рождения Кирилл подарил мне компьютер, на котором я довольно быстро освоила рукодельные и кулинарные сайты. Как-то, убивая время, я зашла на один из многочисленных женских форумов, зарегистрировалась и принялась общаться под ником Малинка, делясь с незнакомыми женщинами секретами выпечки правильных бисквитов и засолки хрустящих огурцов.

За несколько дней до того, как мой муж сообщил мне об ожидающих нашу семью изменениях, после которых она переставала быть семьей, я пообещала милой девушке под ником Дульсинея рецепт вареников. И не успела его передать.

Не странно ли, что человека, готовящегося к самоубийству, может задержать на этом свете такая ерунда, как смехотворное обязательство перед незнакомой девчонкой? Видит бог, жить мне было незачем. Я не боялась смерти. Мне не нужно было оставлять завещание. Но кто-то ждал от меня рецепта вареников – правильных, в меру мягких, – и я, уцепившись за эту мысль как за единственный ориентир, пошла, держа неудобную сумку, в кафе возле станции метро – там можно было подключиться к интернету. Кирилл не разрешил мне взять с собой ноутбук – просто увез его из квартиры, и все.

Я быстро вышла на форум, открыла конференцию, написала рецепт и уже собиралась выйти, не дожидаясь ответа, как вдруг мне пришла в голову мысль, что единственные люди, с которыми я могу поделиться случившимся, – это незнакомки, болтающие в Сети на любые темы. Не думая о том, что я делаю, не зная, чего жду, я записала все, что со мной случилось, и нажатием клавиши отправила сообщение в форум.

Первые ответы появились в течение минуты.

«Я не совсем поняла: муж выгнал вас из дома?»

«Где вы сейчас? Откуда вы пишете?»

«Я понимаю, как вам тяжело, поскольку сама была в похожей ситуации. Самое главное – верьте, что все наладится. Пожалуйста, поверьте мне. Все будет хорошо».

От этих простых слов лед, замерзший у меня внутри, вдруг растаял и хлынул слезами. Я плакала, сидя в полутемном кафе за дальним столиком, спрятанным от посторонних глаз, и быстро, буквально захлебываясь прорывающимися словами, писала ответы: да, мой муж выгнал меня из дома, да, я пишу из кафе, спасибо за сочувствие, оно мне очень нужно. И, наконец, большими буквами ту правду, которая рвалась из меня наружу, – криком, единым воплем без знаков препинания: «УМОЛЯЮ ПОМОГИТЕ Я НЕ ЗНАЮ ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ».

Официант поставил передо мной чашку чая, посмотрел на мое лицо и отвел глаза. В другое время я бы страшно смутилась, но сейчас меня волновало только одно – ответы, ответы на зеленом экране, которые я обновляла каждые две минуты. Они появлялись с невероятной быстротой. Люди задавали мне вопросы, спорили друг с другом, шумели, ободряли меня и проклинали моего мужа, но во всей этой разноголосице – а за каждым придуманным интернет-именем я слышала чей-то голос – выделялось несколько человек, которые словно бы вместе держали меня на тонких, но прочных нитях. Не давали мне упасть.

Лита: «Самое главное для вас сейчас – успокоиться. Я понимаю, сказать легче, чем сделать, но нужно попытаться. Очень вам сочувствую».

Mercury: «Напишите мне в почту, если не хотите делать этого публично, подробности судебного разбирательства. Я юрист и, может быть, смогу чем-нибудь помочь. Обещать ничего не обещаю, но постараюсь».

Ольга-13: «У тебя есть где переночевать? Знакомые, подруги, друзья? Любовники?»

Zeta: «Оля, я тебя умоляю – какие у нее любовники?! Не видишь, что ли, – приличная женщина перед тобой! Действительно, приличная женщина, давайте решим вопрос с вашей ночевкой. Одну ночь можете перекантоваться у меня».

Даритта: «Овца она, а не приличная женщина! Развели ее как лохушку, честное слово! Прямо злость берет. Зета, на вторую ночь я ее у тебя возьму, если она твои серебряные ложечки не стащит».

Голоса, голоса, голоса... Меня заставляли отвечать, и я опомниться не успела, как уже договаривалась с женщиной, подписывавшейся Зета, о встрече через два часа и оставляла свой номер телефона, а затем созванивалась с другой, Дариттой, и послушно записывала адрес, по которому должна была подъехать завтра. Меня вновь подхватывало течением, но на этот раз оно было теплым.

На всю жизнь я запомнила это ощущение: ошеломление от свалившейся на меня безвозмездной доброты совершенно незнакомых людей, которых тревожила моя судьба. Я говорю

не о тех, для кого разговор со мной был не более чем болтовней виртуальных собеседников, а о тех, кто договаривался друг с другом, где мне переночевать, решал, кто встретит меня возле метро, чтобы мне легче было найти адрес, успокаивал меня. Оупение, в котором я пребывала последние две недели, исчезало так быстро, словно таял кусок грязного льда, оставляя после себя серые разводы и потеки.

Спустя некоторое время, когда я устроилась на работу, оно вернулось снова, но тогда пережить его оказалось куда легче.

В тот же вечер я сидела на крохотной кухоньке и невыносимо робела от хлопот красивой кудрявой женщины лет тридцати пяти, которая с пугающей частотой метала на стол передо мной тарелки, заполненные салатами, супом, котлетами... Одновременно она успевала призывать к порядку дочь, варить на плите что-то булькающее и гонять голубоглазую кошку, упорно лезущую ко мне на колени. К моему облегчению, она ни о чем меня не расспрашивала, а все больше рассказывала о своих хлопотах: о том, как отдавала дочь в школу, как чинила машину в автосервисе, как присматривала себе дом в деревне... Я слушала ее, и мне хотелось полностью погрузиться в ее заботы, чтобы забыть обо всем, что случилось.

Однако погрузиться мне пришлось в свои заботы, а не в чужие. Уже к вечеру следующего дня я начала работать – через десятки руки меня устроили в привокзальную столовую: я должна была мыть посуду, убираться, а также исполнять мелкие поручения поварих. Я продолжала мыкаться по квартирам незнакомых людей, пока наконец не пристроилась в общежитие – знаете, из тех, где в одной комнате живет двадцать человек. Мне повезло – в моей жило всего двенадцать, а из душа на нашем этаже временами даже текла горячая вода.

То, что происходило со мной дальше, рассказывать долго и неинтересно. Спустя два месяца я перебралась из столовой в кафе классом выше, еще через три – в следующее, а после этого неожиданно для самой себя устроилась диспетчером в таксомоторный парк. Общежитие сменилось съемной комнатой, и моя жизнь со стороны, наверное, казалась относительно наладившейся – если так можно выразиться о человеке, с которого заживо содрали кожу, и он пытается, как может, прикрыться наспех сорванными листьями.

Я не видела своего мужа и не знала ничего о нем. Меня снова накрыло волной равнодушия к окружающему миру и к своей судьбе, запеленало в паутину безразличия, но где-то в глубине этой паутины маленькое насекомое – то ли бабочка-однодневка, то ли муха – слабо дергало лапками, будто напоминая себе о том, что оно еще живо. Пока живо.

Временами моя безучастность сменялась вспышками ярости, но направлены были эти вспышки исключительно внутрь, на себя саму. В такие моменты я принималась с удесятеренной энергией работать, чтобы заглушить обличающий голос, просыпающийся в моей голове, – он бросал такие жуткие обвинения, что я бы закричала, если бы не боялась попасть в сумасшедший дом. Я чувствовала себя человеком, которого разрывают изнутри на тысячу частей, и он колоссальным усилием воли пытается собрать себя из кусочков; самое пугающее заключалось в том, что и то и другое делала я сама.

Все это время я ни с кем не разговаривала. Не в буквальном смысле, конечно: волей-неволей мне приходилось сосуществовать с другими людьми, но я ограничивалась общением, необходимым по работе. Вне ее некое чувство намертво запечатывало мои уста, не позволяя отвечать даже на безобидные расспросы соседок по квартире, отсекая всех, пытавшихся приблизиться ко мне, словно тюремщик, захлопывающий двери одиночной камеры перед пришедшими не вовремя визитерами – к скрытому облегчению узника, благодарящего бога за свою изоляцию.

Я знала название этому чувству. Страх.

Я всерьез боялась, что у людей, улыбающихся мне, вдруг обнажатся клыки, а из красной пасти высунется раздвоенный язык. Мои ночи были наполнены кошмарами, развивающимися по одному сценарию: те, кого я знала, являлись мне в моих снах с приветливыми лицами,

и поначалу я доверчиво шла им навстречу, хотя внутренний голос надрывался, запрещая мне приближаться; затем я хотела повернуть обратно, но ноги сами несли меня, и я с ужасом видела, как преображаются знакомые лица: с одних клочьями слезает кожа, обнажая черные, слепые провалы глазниц, другие сминаются, как пластилиновые, – носы съезжают на сторону, языки выдираются, вытягивая за собой клубки внутренностей, и обматываются вокруг шеи, преображая человека в изуродованную куклу – жуткую, движущуюся, протягивающую ко мне руки. Чудовища хватали меня, отрывая мне руки и ноги, а затем отшвыривали в сторону, и я пыталась ползти, как червяк, извиваясь всем телом, захлебываясь грязью, беззвучно крича.

Днем я видела людей, которые приходили ко мне во снах, и не могла открыть рта, чтобы заговорить с ними.

Если бы я была умнее или опытнее, то поняла бы, что мне стоит показаться врачу. Но я боялась психиатров и не знала, где их искать, к тому же у меня не было денег. Осознавая, что мне нужно зацепиться хоть за что-нибудь, чтобы не сползти в омут безумия, я принялась искать спасения не вовне, а внутри себя.

Это оказалось сложно. Люди лгут, говорила мне та Вика, что сидела во мне, закрыв глаза руками, как ребенок. Люди предают. Они разваливают твой мир и саму тебя на части, и ты не можешь уберечься от них. Они задумывают *плохое*. Если бы ты была другой, говорила она мне, то с тобой такого не случилось бы. Это *ты* во всем виновата.

Как ни странно, в конце концов именно этот тонкий детский голосок, упрекавший меня, подсказал мне путь к спасению. Если это *я сама* виновата в том, что произошло, значит, нужно сделать так, чтобы от прежней меня ничего не осталось. Моя глупость, мое незнание людей были причиной исчезновения моего мира – значит, следует начать с себя, а затем уже менять мир. Я представила дом с множеством комнат, каждую из которых требовалось разрушить и перестроить заново, разломать стены и возвести на их месте другие, куда более прочные, и первый раз за все время искренне рассмеялась, примерив к себе выражение «прохудилась крыша». Предстояло ее залатать.

Знаете, мне до сих пор кажется, что за те полгода я поумнела больше, чем за всю предыдущую жизнь. Совершила, так сказать, качественный интеллектуальный скачок. Наверное, мне не хватало хорошей встряски или такого удара, какой я получила. От него я стала молчуньей, наблюдающей за людьми и пытающейся понять скрытые мотивы их поведения. Прежде я совершенно не задумывалась над этим и теперь чувствовала себя ученым, открывающим новые миры.

Именно в то время у меня начал вырисовываться план. Если раньше я существовала, будто погруженная в воду, не думая ни о чем, кроме того, что нужно плыть, то теперь я стала оглядываться вокруг и думать над тем, в какую сторону меня несет течение.

План мой заключался в том, чтобы уехать отсюда. Я имею в виду, из страны. Много лет я жила в коконе, возникшем благодаря деньгам мужа и моим собственным стараниям и куриной слепоте: я не видела очевидных вещей. Теперь эти вещи сами бросались в глаза.

Существа вокруг меня пили, курили, били жен и детей и беспрестанно ругались. Нищая беспросветная жизнь, полная унижений и заискиваний, поисков «своего» врача, «своего» сантехника, «своей» заведующей детским садом... Самые простые действия обставлялись массой преград, превращались в бег с препятствиями по пересеченной местности: взять одну бумажку, выпросить вторую, угрозами добыть третью – и все это лишь затем, чтобы на финальном этапе выяснить, что требуемую справку тебе все равно не дадут, неважно, по каким причинам. Я ненавидела существующую вокруг реальность, где меня растоптали, а купленный моим мужем судья лишил меня всего, на что я имела право, и отдавала себе отчет, что не смогу приспособиться к ней – слишком дорого бы мне это далось.

Самым логичным выходом была «заграница». Та самая, где я никогда не была, но о которой имела представление из фильмов: с низким уровнем преступности и с уважением к человеку, с чистыми улицами и одинаковыми домиками, слившимися боковыми стенами.

Перебрав затратные по времени варианты вроде получения востребованного в Европе образования и переезда туда для работы, я остановилась на том, который предполагал минимум усилий: на замужестве. Мне казалось, что я иду путем, которым до меня шли немногие, и готовилась пробивать стены головой в поиске женихов. Однако выяснилось, что агентств, промышляющих сводничеством, в Москве пруд пруди, и мне невероятно повезло, когда, придя в одно из них, я попала к Тамаре Васильевне.

Сейчас мне очевидно, что тогда я представляла собой жалкое зрелище в своих поношенных, вышедших из моды вещах, которым я тщетно пыталась придать если не благородный, то хотя бы пристойный вид. Но в глазах у меня, как сказала позже Тамара Васильевна, горел фанатичный огонь, а она уважала фанатиков.

Ее фамилия была Плих. Низкая, широкая в кости, массивная и значительная, как языческий божок, Тамара Васильевна подбирала партии «своим девочкам» на протяжении пятнадцати лет. Она говорила низким красивым голосом, сидела неподвижно, совершенно не жестикулируя, и основную работу поручала своим помощницам, за исключением редких случаев. Таким редким случаем стала и я.

Придя первый раз в фирму госпожи Плих, я растерялась от атмосферы деловитой озабоченности, царившей там. Мне казалось, что меня ждет подобие борделя, и я настроила себя соответствующим образом, чтобы не быть шокированной и смущенной. Действительность не имела ничего общего с моими представлениями: хороший офис, просторные кабинеты, персонал, похожий на учительниц... Меня усадили в кресло, вкратце узнали, чего я хочу, и попросили принести удачные снимки – две штуки: лицо крупным планом и портрет во весь рост. Я пробормотала, что как раз снимков-то у меня и нет, и почувствовала себя очень глупо – действительно, можно было догадаться о том, что фотографии понадобятся сразу.

– Сделаете снимки, напишете резюме и приходите, – не терпящим возражений тоном сказала беловолосая девушка. – Тогда получите анкету.

– Нет. – Я сама услышала, что в моем голосе лязгнул металл. – Я сначала заполню анкету, раз уж пришла, а завтра принесу все остальное.

Мне почему-то показалось принципиальным закрепиться в этом месте, не дать беловолосой отправить меня прочь под предлогом отсутствия фотографий, и я всерьез собиралась доказывать, что имею право на свой кусок заграничного счастья. В комнате ощутимо повисло напряжение.

– Заполняйте. – Девушка бросила передо мной лист, спланировавший на стол, и я судорожно принялась записывать ответы, боясь, что анкету вот-вот отнимут.

Вот тогда-то в дверях и возникла Тамара Васильевна, совершавшая ежедневный обход, как хирург по палатам или военачальник, проверяющий свою армию. Она бегло осмотрела меня, сделала свои выводы и поманила смуглым пальцем, будто цыганка, собирающаяся выманить у встреченной тетki единственную золотую цепочку.

– Идите, идите за Тamarой Васильевной! – торопливым шепотом приказала девушка, забирая у меня анкету. – Господи, да идите же!

Оказавшись в новом кабинете, я села, настороженно глядя на женщину, заманившую меня. Не улыбнувшись, не представившись и не спросив мое имя, она глянула на анкету, неизвестно как успевшую попасть к ней на стол, и заявила:

– Учуж жизни только один раз. Слушаешь и запоминаешь. Молча. На вопросы отвечаешь кратко. Ясно?

Полгода назад из меня горохом посыпались бы вопросы. Теперь же я лишь открыла рот, но тут же закрыла его и кивнула.

- Кем ты себя считаешь?
- Я... э-э-э... Женщиной, которая ищет...
- Достаточно. Забудь об этом. Ты – товар.
- Что?! – Я все-таки оскорбилась.

– То-вар, – по слогам произнесла Тамара Васильевна. – Ты здесь для того, чтобы продать себя и получить наиболее выгодную цену. Если тебя это не устраивает, наш разговор окончен. Возвращайся к Жанне и захвати анкету.

Она протянула мне лист бумаги, подержала и, увидев, что я не сделала ни одного движения, небрежно бросила на стол.

– Хорошо. Итак, ты должна себя продать. Перед твоими покупателями широкий выбор. Почему они должны выбрать именно тебя?

Она наклонилась, ожидая ответа, и я задумалась.

– Потому что у меня хороший характер... – Не успела я договорить, как в ее глазах мелькнуло разочарование, и я тут же исправились: – Нет, потому что я симпатичная.

– Теплее. Только забудь слово «симпатичная». Ты – привлекательная. И можешь дать мужчинам то, что они хотят.

Видимо, я покраснела, потому что она едва заметно усмехнулась:

– Девочка, если ты думаешь, что мужчин интересует только юное крепкое тело, то ошибаешься. Иначе они ограничивались бы проститутками и не приходили бы к нам. Им нужно *самоощущение*. Им нужны эмоции. Им нужна Игра. И секс – лишь небольшая часть этой игры.

– Что я должна...

– Чем привлекает тебя незнакомый товар в витрине? – Она не дослушивала, обрывала на полуслове, выстреливая в меня вопросами.

– Упаковкой, – не задумываясь, ответила я.

– Верно. На первом этапе ты должна выделиться, чтобы тебя заметили из сотен девушек. Взгляни.

Она вынула из ящика и протянула мне большой тяжелый фотоальбом. Открыв первую страницу, я увидела снимки женщин – точно такие же, какие мне нужно было принести.

– Это не рабочий альбом, а для памяти, – сказала Тамара Васильевна, наблюдая за мной. – Разумеется, сейчас мы используем «цифру». Но тебе и это подойдет для наглядности.

Я перелистывала одну страницу за другой. Женщины, женщины, женщины... Молодые, пожилые, с естественными и натужными улыбками, часто нелепые, в вульгарных позах... Если бы я была мужчиной, то потерялась бы в этом море разновозрастных и разномастных теток, выставявших напоказ вислые груди, дряблые плечи, кривые ноги с некрасивыми коленками, и, пожалуй, сбежала бы прочь.

– Ужасно, правда? – вполголоса спросила Плих, верно трактовавшая мое ошеломленное молчание. – А теперь представь, что и твой снимок будет среди этих. И как прикажешь мужчине обратить на тебя внимание?

Я подняла на нее глаза с немимым вопросом.

– Фотография! – Она щелкнула пальцами. – Ты должна сделать долгосрочный вклад в саму себя и найти грамотного фотографа, который хорошо тебя снимет. Забудь о том, чтобы показать лицо. Для начала ты должна сняться в полный рост, в такой одежде, которая подчеркнет все твои достоинства. Не будь вульгарной! Идеально – маленькое черное платье. Туфли. Распушенные волосы и минимум украшений.

– Но у меня нет платья...

– Найди, – оборвала Тамара Васильевна. – Возьми у подруг. Сшей. Укради. А потом соблазни фотографа, если у тебя нет денег, чтобы заплатить за фотосессию. Но фотографии должны быть профессиональными и очень выгодными для тебя. И в идеале нужен визажист. Покажи, что у тебя есть грудь, бедра, талия и длинная шея. Помни – мужчины сперва оцени-

вают фигуру, потом все остальное. Если ты будешь следовать этому простому правилу, оно тебе поможет.

– Но мое лицо...

– Второстепенно. Для них. Хотя тебе повезло, и у тебя милая мордашка. Подрисуй ее и сфотографируй, но обязательно с улыбкой. Не превращай себя в куклу, не изменяй макияжем до неузнаваемости. Кстати, купи утягивающее белье – фотография прибавит тебе три-четыре килограмма, а этого не должно быть.

Я кивнула, уже не задавая вопросов, на какие деньги я куплю утягивающее белье и что это такое.

– Естественность – вот что привлекает большинство мужчин. Тебе нужно ориентироваться на них. Когда сделаешь фотографии, займись своим резюме. Десять строчек, и каждое слово должно быть продумано. Тебе следует быть легкой, но не легковесной, забавной, но не чересчур, и романтической, потому что тебе это подойдет. Дети есть?

– Нет...

– Отлично. Балласт тебе ни к чему. Выставляй поменьше требований к мужчинам и больше пиши о себе. Отсев будешь производить потом. Свободна.

Я встала, села и снова встала. Голова у меня распухла от обилия информации, хотя с начала нашего разговора прошло не больше десяти минут.

– А вы... – нерешительно начала я, – вы не могли бы показать мне образцы резюме других девушек? Я имею в виду удачные образцы.

– Нет. Иначе ты займешься копированием, пусть и невольно. А твои слова должны быть искренними. Ступай.

Она больше не смотрела на меня, и я пошла к выходу. В дверях остановилась и обернулась к ней:

– Спасибо вам большое...

– Пока не за что. Ты услышала мои слова ушами, но до ума они у тебя не дошли. Вот дойдут – тогда скажешь спасибо.

Забегая вперед, могу заверить вас, что слова Тамары Васильевны дошли до моего ума. Правда, до того были поиски фотографа, попытки найти денег на съемку, маленькое черное платье и туфли, резюме, которое я переписывала двадцать четыре раза, пока не догадалась выйти на тот самый сайт, где мне так помогли полгода назад... Коллективный ум оказался на высоте, и я получила несколько идей, которые использовала для резюме. У меня ушло много времени на все это, но я больше не думала о том, что мне необходимо «зацепиться здесь и сейчас». Я ставила перед собой маленькую цель, крохотными шагами двигалась к ней и лишь затем ставила следующую. Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи... Не подумайте, что тогда я знала японские хайку и Иссу Кобаяси. К нему пристраслил меня второй муж, Никлас Венесборг, за которого я вышла замуж спустя восемь месяцев после опубликования моей анкеты на сайте агентства Тамары Васильевны Плих.

Глава 3

Алиса

Иногда возникает ощущение, будто бог держит тебя в ладонях. И легонько дует на тебя – тогда в совершенно безветренный день чувствуешь нежнейшее прикосновение теплых пальцев ветра, как если бы кто-то приложил ладонь к твоему лбу или поцеловал.

Мой муж говорит, что временами я кажусь ему дурочкой. Я знаю, что он это не всерьез – скорее любя. Если то чувство, которое он испытывает ко мне, можно назвать любовью. Мне бы очень хотелось, чтобы это была именно любовь, и случаются такие прекрасные дни, когда я совершенно уверена – да, он меня любит. И тогда я снова чувствую, что бог держит меня в ладонях.

Но последнюю неделю меня преследует противоположное ощущение: как будто одним движением меня стряхнули с ладоней вниз, и я полетела с небольшого обрыва, обдирая локти о колючие кусты и больно ударяясь о землю. Самое неприятное, что совершенно непонятно, где же я приземлюсь.

Все началось со столкновения на улице. Я шла за девушкой, от которой пахло незнакомыми мне духами – нежными, тонкими, совсем весенними, с легким привкусом мимозы и детской пастилы – и раздумывала, спросить у нее их название или не стоит. Я не стала бы покупать себе такие же – мне просто хотелось услышать, как прозвучат слова. Она завернула за угол, и я ускорила шаг, потому что почти решилась догнать ее, и тут на меня вылетел этот парень с папкой в руках.

Я ударилась прямо об него, и от удара папка выпала у него из рук, и из нее разлетелись листы: много исписанных листов, некоторые – с рисунками. Я ахнула и присела, стараясь помочь ему их собрать, и тут же забыла про девушку и незнакомые духи, потому что на одном из рисунков увидела женское лицо, нарисованное карандашом.

Не сочтите меня странной... Но оно было похоже на мое! Я потянула лист к себе, а затем вопросительно посмотрела на парня. И только тут заметила, что он, оказывается, очень красивый.

Самым красивым в нем были брови: прямые, темные, густые... По контрасту с выгоревшими волосами они смотрелись очень яркими – как будто кто-то провел черной сажей на его лбу две полосы и едва растушевал. А лицо – такой лепки, будто мастер лепил грубо, наспех, но поскольку все равно был очень талантлив, то и вышло талантливо. Взгляд оценивающий, резкий – но, возможно, все дело было в том, что не станешь же мягко смотреть на человека, практически сбившего тебя с ног.

Рассмотрев хозяина рисунков, я помахала у него перед лицом тем, который держала в руках. И увидела, что он ошеломлен не меньше, чем я.

– Отдай, пожалуйста! – Он попытался вырвать у меня лист, но я увернулась. – Слушай, верни!

– Это я, на рисунке? – У меня не было желания ходить вокруг да около, узнавать что-то обидными. – Кто это нарисовал?

– Ну я нарисовал! – Он посмотрел с вызовом.

– Ты?! Мы разве раньше встречались?

Он наконец собрал все листы и встал, а я поднялась следом за ним. Он оказался на две головы выше меня.

– Нет, не встречались. Я ни разу тебя не видел.

– Тогда откуда...

– Понятия не имею! Если ты мне отдашь рисунок, я тебе все объясню!

Я уже говорила вам, что ужасно любопытна? Мне показалось, что ему можно верить, и я протянула лист, который он тут же любовно разгладил, смахнул пыль и спрятал в папку. Только теперь пришло в голову, что я веду себя не очень красиво по отношению к незнакомому человеку.

– Слушай... извини. Я не хотела в тебя врезаться!

– Надеюсь. – Он хмыкнул, огляделся и увидел неподалеку скамейку в сквере. – Пойдем? Мне нужно прийти в себя. Я сам, мягко говоря, удивлен... Кстати, меня зовут Роман.

– Алиса.

Он резко остановился и уставился на меня, подняв свои красивые брови.

– Как?!

– Меня зовут Алиса. Что тебя так удивило?

– Да нет... нет... ничего.

Хотя я видела, что его и в самом деле что-то изумило, вопросов больше задавать не стала. Мы уселись на шершавой скамейке под зеленеющей липой, и он вкратце рассказал историю, которая звучала очень просто и одновременно неправдоподобно.

Честно говоря, истории никакой и не было. Роман оказался дизайнером, работавшим в крупном рекламном агентстве. Два месяца назад для одного из проектов ему понадобилась Алиса в стране чудес, но брать уже имевшиеся иллюстрации он не хотел и решил придумать ее сам, тем более что требовался современный и повзрослевший образ. Креативный, как сказал Роман с улыбкой, которая словно просила: «Извини за это словцо».

С современной Алисой возникли сложности, потому что он никак не мог представить себе ее лицо. И что еще хуже – нигде не мог ее встретить. Образы актрис, знакомых девушек, случайных девушек – никто ему не подходил.

И тогда он решил ее выдумать. В один прекрасный вечер, сидя в кафе, за пять минут набросал на салфетке черты взрослой Алисы и помчался домой, чтобы поработать над рисунком нормально.

– Я решил, что она обязательно должна быть рыжей, – рассказывал Роман. – И с прищуренными глазами. В общем, что я тебе рассказываю? Ты и так все видишь.

Действительно, я видела. Нельзя сказать, чтобы девушка на рисунке была списана с меня, но сходство, безусловно, имелось.

– Надо же... – Я улынулась парню, смотревшему на меня все так же озадаченно. – Получается, ты меня выдумал.

– Получается, так. На самом деле ничего удивительного в этом нет – в конце концов, возможно, я тебя просто случайно как-то раз увидел, и в подсознании сохранилось твое лицо. Странно то, что мы встретились.

Я встала со скамейки, возвратила рисунок, который он не выпускал из рук во время своего рассказа и только под конец нехотя отдал его мне.

– Удачи тебе с твоим проектом!

– Подожди! – Он вскочил, и я остановилась. – Слушай, я не могу тебя так просто отпустить. В конце концов, не каждый день встречаешь персонаж, который ты вроде бы выдумал! А пойдем... – Он обернулся, будто ища место, куда можно было бы пойти немедленно. – Пойдем в кафе, а? Ты голодная?

Он пристально смотрел на меня, и взгляд его просил, чтобы я согласилась. Забыла сказать: глаза у него были сине-серые, такого промежуточного оттенка, какой бывает у речных волн под набегающими облаками.

Я поразмыслила и кивнула. Мне не хотелось есть, но у меня были причины на то, чтобы согласиться.

Хотя именно в тот момент я ощутила, что, кажется, оцарапала локоть о куст на склоне, в который меня скинули.

– Дело в том, что мы в основном занимаемся розыском *живых* людей.

Макар Илюшин с виноватым видом развел руками. Он не испытывал ни малейшей вины, но считал нужным продемонстрировать несостоявшемуся клиенту огорчение от того, что не сможет с ним работать. Точнее, с ней.

Начало июня выдалось на редкость дождливым. Потоки воды словно пытались смыть стекла, чтобы ворваться в квартиру и устроить наводнение, город плыл, и отражения домов в лужах дробились и расплывались под натиском дождя.

Женщина, сидевшая в квартире Илюшина, вовсе не выглядела промокшей, в то время как Сергей Бабкин, появившийся за четверть часа до ее прихода, напоминал ньюфаундленда, только что вытащившего со дна реки нескольких неудачливых купальщиков. С порога он проворчал напарнику, что даже зонт его не спас, и он успел вымокнуть за ту минуту, что бежал от машины до подъезда. Теперь Бабкин сидел, погрузившись в кресло возле окна, и молча изучал посетительницу, предоставив ведение переговоров Илюшину.

Чуть выше среднего роста, прекрасного сложения, с русыми волосами, собранными в гладкую прическу, и широко расставленными глазами, она была бы красавицей, если бы не некая странность в ее правильном лице, которую Сергей никак не мог уловить. Глаза внимательные, серые, опущенные густыми ресницами. От нее оставалось противоречивое впечатление открытости и неуловимости одновременно, как от бабочки, которую можно рассмотреть, пока она сидит на цветке, но невозможно схватить.

– В основном, но не всегда, – мягко возразила клиентка, обращаясь к Макару. – Когда несколько лет назад вы работали по делу Элины Гольц, то знали, что девушка мертва. Это не мешало вам согласиться на расследование обстоятельств ее смерти¹.

Бабкин вскинул брови. Илюшин ничем не выразил своего удивления, но Виктория Венесборг сразу заработала несколько очков. То, что она навела о них справки, прежде чем приехать, говорило в ее пользу.

– Случай с Элиной отличался от вашего.

– Да, мое дело будет проще.

– Хорошо, – сдался Макар. – Я слушаю вас.

– С чего начать? – деловито осведомилась она.

– Начните с того, кого вы хотите найти и с какой целью.

– Последнее обязательно? – Она нахмурилась.

– Да. Мы не работаем вслепую. Если вы скажете неправду и на каком-то этапе это всплывет, мы немедленно прекращаем работу без возвращения аванса. Такое условие есть в договоре.

– Понятие всплывшей «неправды» можно трактовать очень широко!

– Боюсь, тут вам придется нам довериться. Мы не собираемся вас обманывать – это всего лишь страховка от того, чтобы нас использовали «втемную».

Виктория подумала немного, откровенно рассматривая Илюшина, и кивнула.

– У моего бывшего мужа был друг, долгое время сидевший в тюрьме за убийство, – начала она и покосилась на Бабкина, успевшего достать блокнот и сделать несколько пометок. – Сенья Головлев. Я была знакома с ним недолго, но он успел мне понравиться и я ему, кажется, тоже. Спустя полгода после того, как Сенья вышел из тюрьмы, он бесследно исчез и через какое-то время был признан умершим. Тело его так и не нашли.

Она замолчала.

¹ О расследовании дела Гольц читайте в романе Е. Михалковой «Знак истинного пути».

– Что-то еще? – вежливо поинтересовался Макар, понимая, что с такими вводными работать по делу безнадежно.

– Я знаю, кто его убил. Это сделал мой муж.

– Вы были свидетельницей преступления?

– Нет, но я знаю, о чем говорю. Поверьте мне.

В ее голосе звучала такая убежденность, что Илюшин с Бабкиным переглянулись. Она заметила взгляды, но истолковала их по-своему:

– Вы считаете меня сумасшедшей?

– Нет. – Макар отрицательно качнул головой. – Продолжайте, пожалуйста.

– В те выходные мой муж и Сеня отправились на рыбалку. Они иногда выбирались вместе – еще до того, как Головлев оказался в тюрьме, я знаю это от мужа. Поехали на несколько дней, но с рыбалки Кирилл вернулся один. Потом он утверждал, что оставил Сеню возле шалаша, живого и невредимого, но я совершенно уверена, что это не так. Он его убил, а труп спрятал. Никто не стал заниматься поисками бывшего уголовника, и дело благополучно закрыли.

– Зачем вашему мужу понадобилось убивать приятеля? – подал голос Бабкин.

– Этого я не знаю. Дело в том, что в те годы я была значительно моложе и глупее, чем сейчас, и не поняла, что произошло. Как и все, я считала, что Головлев пропал без вести. К тому же я беспрекословно верила мужу. Только много лет спустя, когда я поняла, что Кирилл – жесткое, беспринципное, изобретательное существо, воображаемая картина произошедшего стала заменяться реальной. Я вспомнила мелкие подробности, которые по одной ничего не значат, но все вместе складываются в убедительную картину.

– Например?

– Это невозможно рассказать. Знаете, я хорошо запомнила вот какой момент: утром накануне их отъезда я подкрашивалась перед зеркалом и сказала Кириллу, что по их возвращении приглашу Сеню на пироги. Он ответил: «Само собой!» – и добавил: – Сенька любит с рыбой, порадуешь его». И улыбнулся. Я видела его отражение, хотя муж стоял ко мне спиной – напротив него была стеклянная дверь. Даже тогда мне стало не по себе от его улыбки. Это был оскал хищника. Сейчас я вспоминаю его улыбку и понимаю, что она лучше всего остального говорила о том, что мой муж собирается сделать. Но ведь это смешно называть доказательством, не так ли?

– Смешно, – согласился Бабкин. – Что-нибудь еще?

– Ничего, что было бы важнее той улыбки. Все остальное в том же роде.

– Зачем вашему мужу понадобилось убивать приятеля? – повторил Бабкин.

– Я не знаю. Это вам придется выяснить. Нет-нет! – Она подняла руку, видя, что Илюшин собирается что-то сказать. – Я отдаю себе отчет в том, что моя задача кажется невыполнимой. Сначала дослушайте до конца, потом принимайте решение. Хорошо?

Макар кивнул.

– Так вот, я ничего не знаю об отношениях моего мужа и Сени. Но зато знаю, где он спрятал тело.

– Тогда зачем вам мы? – не удержался Бабкин.

– Потому что я не собираюсь бегать с лопатой по лесу площадью полтора квадратных километра, – невозмутимо ответила женщина.

– Значит, вы уверены, что тело в лесу?

– Да. Дело в том, что еще до выхода Головлева из тюрьмы мой муж однажды взял меня с собой на рыбалку и показал место, где они с Сенькой устроили шалаш. Это в трехстах километрах от Москвы, возле крошечной деревушки, на одном из притоков Волги. Посреди него есть небольшой остров, добраться до которого можно только на лодке, да и то нелегко – река неширокая, но течение очень быстрое, и даже встречаются места, где лодку кружит, будто

в водовороте. Сам остров густо зарос ивами и соснами, и там Сеня с Кириллом когда-то соорудили шалаш – настоящий, не подростковый. Это было их убежище. Думаю, муж пожалел, что отвез меня туда, потому что раньше о шалаше знали только они одни: жители из деревни вряд ли перебирались на остров, да там почти никто и не живет. Как бы то ни было, после он никогда не звал меня на рыбалку и не вспоминал о том, что мы приезжали туда, словно надеялся, что от его молчания и я все забуду.

Мой бывший муж хитер и злобен. Они наверняка приехали на свое обычное место и даже, наверное, пару дней рыбачили. Но потом он убил Сеню и спрятал его тело, а раз они были на острове, значит, он его там закопал – других вариантов нет.

– Утопил, – Бабкин пожал плечами.

– Нет. Кирилл слишком осторожен. Тело могло всплыть, его могли увидеть случайные ныряльщики – ничего нельзя исключать. В конце концов, они могли оказаться не единственными рыбаками в тех местах. Нет, я уверена, что он его закопал.

– Сколько лет назад все случилось?

– Восемь.

– За это время труп истлел до костей. Его съели черви.

– Пускай. Пускай будут кости. Я сделаю все необходимые экспертизы и докажу, что мой муж виновен в Сениной гибели. После насильственной смерти на трупе должны остаться следы.

– Один вопрос... – протянул Макар. – Зачем? Допустим, вы действительно правы, и труп приятеля вашего мужа не уплыл по реке, а лежит в земле под ивами. Вы настолько тепло относитесь к Сене, что хотите покарать убийцу?

Она негромко рассмеялась, откинув голову назад.

– Полагаете, я собираюсь шантажировать бывшего мужа? Ошибаетесь, Макар Андреевич. Иначе я бы не заводила речь об экспертизе. Нет, я хочу...

Клиентка вдруг замолчала и прикрыла глаза. Лицо ее приобрело спокойное, почти умиротворенное выражение. В ту секунду, когда Бабкин повернулся к Илюшину, она открыла глаза и сказала, словно и не замолкала:

– ... уничтожить его. Поверьте, у меня на то есть свои причины. Я не собираюсь нарушать закон. Мой муж – убийца, и я хочу, чтобы он сидел в тюрьме. Это сокрушит его. От такого удара он не оправится.

Илюшин внимательно смотрел на нее. Несмотря на некоторые странности, госпожа Венесборг не походила на сумасшедшую. Скорее наоборот – она походила на очень, очень здравомыслящего человека. Пожалуй, ему было бы приятнее с ней общаться, если бы в ней оказалось поменьше здравомыслия. Оно представлялось чем-то сродни программе, заложенной в робота.

– Полтора квадратных километра? – хмуро произнес Бабкин, оценив молчание напарника как готовность согласиться. – Как вы себе это представляете?

Она обернулась к нему. Серые глаза стали похожи на две льдинки.

– А вот это уже ваши сложности. Проявите фантазию.

Кирилл

По дороге на вокзал водитель Николай косился на меня – никак не мог взять в толк, зачем шеф решил лично встретить с поезда клиента. Но водители у меня мужики дрессированные, вопросов лишних не задают: сел Кирилл Андреевич в машину – значит, так и надо. Второй раз Николаша удивился, когда на Курском я велел ему идти к поезду, а сам направился в противоположном направлении: он-то решил, что клиент – мой знакомый, а тут выясняется, что я на вокзал приехал по собственной надобности. И на туповатом Николашином лице было написано: «Зачем? Можно было меня сгонять...»

Можно, да не нужно. Никаких дел у меня на вокзале не было, а просто захотелось взглянуть на поезда. Детское желание, глупое. А может, не такое уж и глупое – как посмотреть.

Вокзалы я ненавижу с детства, а особенно – станции на пути следования поездов. Чья-то неведомая жизнь пролетает мимо на всех парах, а ты стоишь в пыли и смотришь ей вслед. Если и повезет куда-нибудь поехать, так только в плацкартном вагоне, где вонь от тел и туалетов, любопытные глаза, сквозняки, желтоватое белье и ненавистные с детства колючие пледы. Попробуй запихай их в пододеяльники! Сволочь какая-то придумала эти пледы, точно.

А станции? Кучи щебенки и песка между путями, серая от пыли крапива, заброшенные ржавые вагоны, лопухи – тоже серые... Одно слово – убожество. Как вся эта страна.

Я родился и вырос в поселке, который называется Сортировочный. Понятно почему: через него много путей проходит, грузовые вагоны *сортируют*: одни на север, другие на юг, третьи на Москву или в Архангельск... Только никакой сортировкой мне в этом слове и не пахло, а пахло сортиром, вот чем! Вонью, мочой и нищетой. Правильное было название у нашего поселка, очень ему подходящее. А следующей, в десяти минутах езды на электричке от нас, была остановка под названием Четыреста пятьдесят третий километр. Ясно? Даже имени собственного не присвоили станции, лишь трехзначный номер.

В нашем поселке, конечно, происходила сортировка, правда, немного не та, о которой все думали. Людей сортировали по сортам дерьма. Ведь в сортире-то что? Правильно. Оно самое. Что полегче – всплывает, что потяжелее – ложится на дно.

Вот только мне не хотелось вливаться в эту струю. Я с восьми лет, стоя в пыли перед несущимися мимо, жаром обжигающими поездами и электричками, знал: уеду отсюда, уеду, выкарабкаюсь из этой выгребной ямы. Ни на кого рассчитывать, кроме себя, не приходилось: батя пил, мать и вовсе стала слаба на голову после того, как ее клиент приложил об косяк за то, что порезала его при стрижке... Да я их, честно говоря, плохо помню. Кормили, поили, одевали, сильно не били – и на том спасибо.

У нас было так: кто сильнее, тот и выживет. Не можешь защититься – значит, не судьба тебе жить спокойно в поселке Сортировочный. В двенадцать лет я первый раз лег под электричку между рельсами – всех так проверяли, кто хотел доказать, что он настоящий пацан. Хорошо, старшие парни предупредили меня, чтобы рот держал открытым, а уши, наоборот, зажал, и еще сказали, чтобы по-маленькому сходил за пять минут до «свистульки» – так у нас электричку называли. Потому что если встал с мокрыми штанами после «свистульки» или, еще хуже, с обгаженными – все, считай, не прошел испытания: позор на всю жизнь и такие клички, от которых не отмоешься.

Были у меня какие-то мысли в голове или нет, пока я на шпалах лежал, – этого я не запомнил. Только помню, что очень жарко было, а в нос мне набилась мелкая галька оттого, что я голову вжал в землю, когда надо мной понеслось – с визгом, грохотом, с такими звуками, которым и названия-то нет, как если бы дом уронили на рельсы и потащили с огромной скоростью, а все жители внутри заорали изо всех сил. И уши у меня лопнули, да. Это я тогда так решил, по незнанию. Думал – встану, а из ушных дырок у меня кровь хлещет, и больше я ничего никогда не услышу.

Так оно и случилось, кстати. Когда утащили дом, я, не помню как, встал, камешки из носа отшмыгнул, покачнулся и сел прямо на землю. Ко мне Вовка-Чирей бежит, рот разевает, а я его не слышу – только гул в ушах и крики тех, кто в «доме» надо мной мчался. Потом выяснилось, что так у многих бывает, только об этом мало кто говорит.

Когда в шестнадцать лет я выбрался из родной дыры, то поселился у своей двоюродной бабки в городе, где можно было уместить двести наших Сортировочных. Но для меня он почти ничем не отличался от родного поселка. И здесь нужно было доказывать, что ты сильнее всех.

Одиночки не выживают нигде, и я не собирался противостоять всем – так поступают только дураки. В бабьем дворе была неплохая компания, к которой я примкнул, и летом мы решили подработать на заправке мойкой машин.

Знаете, что это такое? Тупая работа – но работа на скорость, выдержку и смекалку. Так бывает, поверьте: поначалу вам нужно научиться разбираться во многом, зато потом вы действуете, словно идете по накатанной колее. Скорость нужна, когда вы подсакиваете к притормозившей возле заправки машине и выливаете воду на лобовое стекло. Выдержка – когда водитель начинает орать на вас (а орет каждый второй), а вы под его ор размазываете воду, макая тряпку в ведро со скоростью пулеметчика, перезаряжающего ленту. Смекалка – когда вы понимаете, что от этой машины стоит держаться подальше, а с этим водителем можно и пошутить – он даст больше остальных. Я научился всем премудростям за первый же день работы.

А потом появились парни, которые держали место на этой заправке. Их было не больше нас, но они были старше. Я видел ухмылки на лицах рабочих заправки, видел, как мятые купюры переходили из рук в руки, и не сомневался в том, на кого они ставят. Мы для них были вроде бойцовых петухов. Даже, пожалуй, тараканов. Если бы могли, они бы сами стравили нас для своего развлечения, но мы прекрасно обошлись и без поддержки этих ублюдков.

Идя на следующее утро к заправке, мы все знали, что нам предстоит. И лица у нас были тупые и сосредоточенные. Когда вам показывают по телевизору фильм, в котором гладиаторы идут сражаться, и выражение на лицах у них как у героев, которые собираются совершить подвиг, не верьте дуракам-актерам. И режиссеру не верьте. Он никогда не шел в пять утра на заправку, зная, что его будут бить кастетами, цепями, палками – всем, что подвернется под руку, и он будет делать то же самое, пока не упадет.

Мы победили тогда, хотя взрослые твари ставили не на нас. Может быть, именно потому и победили. Иногда нужно, чтобы все ополчилось против тебя – тогда ты на что-то способен. Я оказался способен бить долго, с яростью, получая от драки удовольствие. Этого они в конце концов и испугались – *мне нравилось* делать с ними и с собой то, что я делал.

После того как заправка закрепилась за нами, я продержался там всего две недели и свалил. Нужно было искать работу поумнее, чем полоскать тряпку возле чужих тачек. Но у меня появилась кое-какая репутация, и то, что не дали бы сделать новичку, только переехавшему в город, позволили Кириллу Кручинину, входившему в группу Толика Кубанского.

Став постарше, я понял, что везде есть люди особенной категории, которых я придумал называть материалом – дурачков, лохов, на которых сам бог велел тренироваться. Я и тренировался. Но после одного дела, окончившегося для меня куда удачнее, чем можно было ожидать, я решил залечь на дно: прикинуться одним из дурачков, бегущих с утра на работу, а вечером к жене под юбку. Даже женился для пущей правдоподобности картины. Первая моя жена была из тех ленивых баб, которые притворяются, будто у них полно дел по дому, а сами лишь хотят сидеть на шее мужика, свесив ножки. Я бывало приду вечером домой, уставший как собака – даже в койку не хочется, – а она болтает, не переставая, какую-то чушь. И цеплялась за меня, как репейник. Я пару раз устраивал ей проверку – специально подкину то тюбик помады от какой-нибудь из своих любовниц, то волосы светлые вокруг расчески обмотаю... И подложу на видное место. Она увидит, дернется и тут же сделает вид, что не замечает, а сама косится на меня испуганным взглядом, как лошадь – вдруг я ее заставлю заметить? И что тогда ей делать? Ну, я человек не злой, не доводил до этого.

Потом мы в столицу переехали, и, когда дела у меня пошли на лад, я стал задумываться: почему я должен кого-то на своем горбу везти в ту жизнь, которую для себя потом и кровью выбивал, для которой выцарапывал шансы у судьбы, хватался, как голодный пес, за любую брошенную кость? Жена моя каталась как сыр в масле, жизнь проживала в свое удовольствие – хорошо, что оказалась неприхотливой, – а я в это время из кожи вон лез, чтобы обратно в выгребную сортировочную яму не свалиться.

Потому-то перед покупкой квартиры я все продумал и решил: заработана она мною, а значит, жена никаких прав на нее не имеет. Моральных. Но закон в нашей стране таков, что, вздумай она развестись со мной, получила бы половину имущества, в том числе и квартиры. Разве это справедливо? Нет. Совсем несправедливо.

Обойти дурацкое правило оказалось не очень сложно: сначала мы развелись, затем я жену сплавил подальше, чтобы глаза не мозолила и вопросов лишних не задавала, а когда четыре месяца прошло, разрешил ей приехать обратно. И по тому, как загорелись у нее глаза, когда она в новую квартиру вошла, понял, что все сделал правильно. Люди алчные, за копейку удавят, а за десять на кусочки разрежут.

Видели бы вы, какое у нее лицо стало, когда она поняла, что ничего ей от моего имущества не перепадет! Ей-богу, я бы посмеялся, да только, говорят, грех смеяться над убогими. И когда уходила, бормотала: «Кирюша, как же так... Кирюша, за что же» Хотел я ей сказать: «Нет, дорогая, ты должна другие вопросы задавать: «За какие такие заслуги Кирюша должен мне половину московской квартиры отдать, которая для многих – целое состояние? Есть ли в этой квартире хоть плиточка, положенная на мои деньги, хоть дверная ручка?» Да не сказал. Все равно не поняла бы – что время зря тратить... Есть люди, которые считают, что им все по жизни должны – вот Вика как раз из таких.

Дальнейшей ее судьбой я и не интересовался... Не маленькая, выкрутилась как-нибудь, а если не выкрутилась – сама виновата. Сильный выживает – таков закон.

Никому нельзя верить – вот что главное в этой жизни. Любой продаст тебя с потрохами, только дай ему кто-нибудь за это хорошую цену, а еще вернее – испугай его. За страх, за деньги, за жизнь, в конце концов, вы купите любого героя. Редко, очень редко встречается на пути человек, который за вас в огонь и в воду, жизнь за вас отдаст и денег за это не попросит. Если встретился вам такой, нужно его держаться, потому что это большая удача. Считайте, что выиграли в лотерею – один шанс на миллион. Такие люди не предадут, они исключение из общего правила.

Сразу скажу, что сам-то я не такой, и слава богу. Я – из удачливых, из тех, кому подфартило купить выигрышный лотерейный билет. Только потому я и женился во второй раз.

Выигрышный мой билет – это моя вторая жена.

Когда я Вику выгонял, то сказал ей, что собираюсь жениться, и, кажется, что-то наплел про любовницу... Но это все было пустое – жениться снова я не планировал, не на того напали. С бабой в койке покувыркаться – это одно, а в свою жизнь пускать – лишнее. Покушать вкусно можно и в ресторане, в квартире домработница приберется в десять раз чище жены, а рубашки погладить – на то химчистка имеется. Так что резона заводить новую жену не было никакого, хорошо, что от старой избавился.

Но судьба распорядилась иначе.

У меня тогда в собственности было два цеха... Этот тип работал на разделке в одном из них и, по словам управляющего, неплохо справлялся. Но мне было все равно. Он мне не понравился сразу, как только я его увидел: мелкий, в оспинах, руки трясущиеся, вместо носа – пористая слива. Урод, одним словом. Еще и пьющий. Правда, все в один голос твердили, что руки у него трясутся не от пьянства, а оттого, что болеет чем-то, и на результате это не сказывается... Но посудите сами: как же не сказывается, если клешни дрожат? Сейчас не сказывается, завтра скажется. И в глазах у него было что-то нездоровое, я такие вещи нутром чую. Позже выяснилось: именно я был прав, а не они.

Уволить его просто так я не рискнул: по опыту знал, что в суде восстановят и мне же придется деньги за вынужденный прогул выплачивать. Поэтому дождался повода и все сделал честь по чести: провел медицинское освидетельствование и вручил ему трудовую. Не сам, конечно, – через юриста. Ничего личного, как говорится, – просто я считаю, что человеческому шлаку у меня делать нечего.

И ведь на следующее утро чутье меня не подвело: орало во весь голос, что не нужно в офис ехать. А я его не послушался и поехал. До конца жизни мне тот день запомнится... Как на фотографии: секретарша Нинка, виляя пухлой задницей, идет к выходу и такие взгляды бросает на Лису, что смешно становится, Лиса стоит возле окна и браслетами позвякивает, и тут из дверей выпрыгивает этот придурок. А следующий кадр – длинные Нинкины ноги, на одной чулок порван, и брызги кофе на стене.

Что самое противное-то? Не то, что мне предстояло очень быстро переселиться в мир иной, которого не существует. А что придется принять смерть от руки такого ничтожества, как то, что стояло передо мной, сжимая пушку в трясущихся руках. Вот о чем я думал, глядя на него и кляня себя за то, что не послушался внутреннего голоса.

Я и не заметил, как Лиса успела выскочить вперед, и чуть не онемел от удивления. А она знай себе стоит передо мной и твердит этому козлу, как ребенку: «Не надо, не надо...» А потом добавила: «Лучше в меня стреляй».

Вот тогда-то я и попал. Спать с ней было приятно, хотя девчушка совсем не в моем вкусе, разговаривать нам особо было не о чем – да о чем вообще с бабами можно говорить? – и встречался я с ней лишь для того, чтобы шлюх не снимать каждый раз, когда захочется, а хотелось мне часто. Никаких видов я на нее не имел, как и на десяток других таких же, как она. Я ей, само собой, нравился, и как-то раз мне даже пришло в голову, что она в меня не на шутку влюблена. Ну, влюблена и влюблена, черт бы с ней, хочет страдать – ради бога... Но чтобы свою жизнь за меня отдать – этого я от нее не ожидал, честно скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.